ISSN 2225-0271

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 1 (124) 2019
январь — февраль

Тема номера:
ЕСТЬ ЛИ МЕСТО БОГУ У МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

- Под крылом великого старца
- Крест академика Лихачева
- Эммаус советского кино

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО БОГУ
У МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Протоиерей Алексий Уминский
С реальностью нельзя не считаться 3

Сергей Комаров
Юность – посох в пути к Богу 5

Петр Сулицкий
«Я родился, чтобы жить вечно» 7

Лариса Беляева
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста 10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Светлана Галаева
Старец с острова Залита 12

СТРАНА СЛОВ

Ирина Монахова
«Путь наш должен быть пред Богом»
Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя . . 16

МИР ВОКРУГ НАС

Вадим Рутковский
Уроки христианской жизни от академика Лихачева . . 21

Наталия Прохорова
Береженый Богом 24

Александр Шпагин
Бог в советском Эммаусе 28

Ким Смирнов
Из личного дневника. Подвиг Веры 33

Вадим Рутковский
Фрейлина и генерал
Старшие дети А.С. Пушкина 38

Храм иконы
Божией Матери «Знамение» в Ховрине
lampada-press.ru

Настоятель
священник Димитрий Туркин

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка, распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Часовня во имя Сошествия Святаго Духа. Борисоглебский мужской монастырь в Дмитрове (Московская обл.).
Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75
www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 15.01.2019
Цена свободная

Этот номер вышел заботами раба Божия Александра. Храни его Господь.
Приход храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+7 (496) 382-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 990

© Лампада, 2018

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

Журнал – лауреат премии Союза журналистов РФ в номинации «За верность теме»

С реальностью нельзя не считаться

Так думает собеседник и давний автор журнала настоятель храма Святой Живоначальной Троицы в Хохлах, духовник Свято-Владимирской православной школы протоиерей Алексий Уминский.

– Отец Алексий, когда мы с вами договаривались о встрече и я назвал тему номера, вы сказали, что она, на ваш взгляд, слишком общая.

– Я и сейчас готов это повторить.

– Ну а если ее, так сказать, сузить? Что в этой проблеме наиболее актуально сегодня?

– Уточните: в какой проблеме?

– В проблеме отношения молодежи к вере, к Церкви… К Богу, наконец.

– Почему у нее вообще должно быть к этому какое-то особое отношение?

– Хотя бы потому, что мы видим все меньше молодежи в наших храмах.

– А почему, собственно, ее должно становиться больше? Только потому, что мы этого хотим?

– Считается, что мы – православная страна, у нас большое количество верующих, которые передают эту веру…

– Передают веру? У нас, к сожалению, пока еще нет традиции, которая существовала до прошлого века. Я имею в виду передачу веры от родителей к детям, от поколения к поколению... Восстановится ли когда-нибудь эта практика?.. Способ передачи веры, который существовал до прошлого века, был органичным, естественным компонентом жизни. Кстати, так передавалась не только вера, но и культура, и профессиональная ориентация, да все что угодно.

– Но произошла революция, и все рухнуло…

– Я бы не стал подходить так однозначно. Здесь задействовано очень много разных факторов. Причем не только социальных, но и технологических, и государственно-политических. Некоторые из них столь масштабны и устойчивы, что с трудом поддаются изменениям по сию пору. И так было всегда. Сравните хотя бы допетровскую Россию и Россию после Петра. Это же две разные страны!

– Выходит, эти процессы необратимы?

– Не берусь судить. Но бесспорно одно: любые проблемы, в том числе и та, о которой мы говорим, в новых условиях требуют и нового подхода. Нам, в частности, кажется, что передача веры, воспитание в вере остается простым, ясным и понятным общественным процессом. Мы не понимаем, не воспринимаем, не оцениваем и не исследуем, почему в прошлые времена религиозные ценности передавались совсем по-иному, чем теперь.

– А «по-иному» – это как?

– Например, в те поры даже государственные границы помогали народу хранить свою религиозную идентичность. Я уже говорил о допетровской и послепетровской России. Стоило измениться положению страны в мире, и это тут же отозвалось на всех сферах жизни, в том числе и на состоянии религиозности. Иное восприятие мира неизбежно повлияло и на восприятие веры. Это не значит, что было хорошо, а стало плохо и что потому надо всеми силами консервировать свою страну и лишать ее открытости. Необходимо понимать, что все происходит по-другому, а с этим нельзя не считаться, только и всего.

– То есть ушло время, когда вера была для людей данностью?

– Разумеется. Раньше вообще никто веру не выбирал. Люди в вере рождались и в ней воспитывались. Они в свою веру никакого личного отношения не привносили. Выбор за них уже сделало государство, поскольку атеистических государств просто не было. Сделали родители, в семье которых ребенок родился. Школа, куда он ходил. Общество, которое его окружало. В границах своего сословия человек не выбирал ни веру, ни профессию, ни семью, ни жену – ничего! Весь общественный уклад был сформирован, и ты просто в нем жил. Все покоилось на своих местах. Мир, в котором люди жили еще полтора столетия назад, был ясен, прост, потому что был однороден.

– Что принципиально меняется, когда одна реальность уходит в прошлое и ее сменяет другая?

– Тогда человек вынужден сам принимать ответственность за свои поступки, иначе говоря – за свой выбор. Он сам выбирает себе и веру. Или не выбирает ее вовсе. Но люди, организуя свою жизнь самостоятельно, неизбежно делают ошибки. В итоге мы получаем мир, который нам же очень не нравится. Мир ошибочного выбора, но в то же время мир, в котором человек проявляет свою волю. Потому и возник встречный вопрос к вам: с какой стати современная молодежь обязательно должна быть в храме?

– Я уже пытался на это ответить.

– Но довод, что мы – православная страна и так далее, мне не кажется сегодня убедительным. Хотим мы того или нет, но вековая традиция как незыблемый регулятор жизни уже анахронизм. Сегодня люди, а молодые в особенности, хотят поступать самостоятельно. И чем настойчивее мы будем подходить к ним со своими представлениями и лекалами, тем сильнее они будут нас отторгать.

– Выходит, всё надо принимать как данность, которая не поддается никакой коррекции?

– Но почему мы решили, что именно наша с вами коррекция самая правильная? Я не очень понимаю, для чего вообще мы задаем вопрос о месте Бога в жизни молодежи. Чтобы улучшить какие-то показатели? Мы хотим понять, как сделать так, чтобы молодежи в храмах было больше?

– Я имею в виду, конечно же, не арифметический аспект.

– А что же?

– С Богом в жизни молодежи ее поведение будет определенным образом коррелироваться.

– Коррелироваться с чем? С Господними заповедями? То есть мы исходим из презумпции, что молодежь созна-

тельно сопротивляется Богу? Он ищет место в ее жизни, а она этого не хочет? Давайте тогда зададимся вопросом: а есть ли вообще место Богу в современном мире?

– Но такая постановка еще шире той, с которой я пришел к вам.

– Как сказать… Это очень конкретный, очень направленный вопрос: в целом мир с Богом или без Него? Мы не ставим задачу ответить, почему одна категория людей – возрастная, или социальная, или какая-то иная, не имеет значения, – более атеистична или религиозна, чем другая. Да и как на него ответить? Разве что признать, что у среднего поколения с религиозностью все в порядке.

– Хотелось бы так думать.

– Вот видите: приходится употреблять сослагательное наклонение даже по отношению к взрослым. А что же тогда говорить о молодых? Ведь это крайне нестабильное сообщество. Оно живет в постоянном развитии, легче других подвергается различным воздействиям и влияниям, у него еще недостаточно жизненного опыта, в том числе и религиозного. Оно только начинает приобретать самостоятельность. И это нормально, что молодые люди часто меняют свои представления о мире. Поэтому, говоря о месте Бога в жизни молодежи, нужно видеть реальность, понимать ее и считаться с нею.

– И как бы вы определили эту реальность?

– А она такова, что в нынешнем мире вера становится личной ответственностью, личным духовным поиском. И начинается это именно тогда, когда человек по-настоящему задумывается над сущностными вопросами бытия. В мире есть разные религиозные течения, разные учения, и сегодня все они доступны любому.

– Разве это не повод обратиться к Церкви?

– Конечно, повод. Но не стоит при этом забывать, что новые условия и новые реалии рождают и новые требования к Церкви тоже. Ведь Церковь – это прежде всего Бог Живой. Но всегда ли Он виден современным христианам? Поэтому вопрос, есть ли сегодня место Богу у молодежи, скорее, мне кажется, должен быть адресован нашему поколению. Поколению, которое себя христианами уже сознает.

– С чем мы могли бы адресоваться к нашему поколению?

– Хотя бы с призывом подумать вот над чем… Как сделать, чтобы Бог мог явить Себя людям, которые находятся в поиске смысла жизни? Как сделать так, чтобы поиск Бога и поиск смысла вошли в сознание этих людей как понятия тождественные? Надо ли говорить, что понимать свою задачу в прежнем, партийно-комсомольском ключе, по меньшей мере, бесперспективно. А если всерьез – то смешно и опасно. Но нам все еще кажется, что молодежными мероприятиями рядом с Храмом Христа Спасителя, созданием молодежных православных организаций, напитанных псевдопатриотическим духом… нам все еще кажется, что так можно решить проблему. Времена комсомольских ячеек прошли безвозвратно. На наших глазах близится к концу системное устроение жизни.

– Отец Алексий, мне кажется, что современное церковное сообщество не очень понимает суть и характер этих перемен.

– Оно просто не хочет этого понять, потому что в противном случае придется расстаться со спокойной, устоявшейся жизнью. Устройство церковного бытования сегодня – это, к сожалению, копия государственного. Та же вертикаль власти, подотчетность, создание организаций и организованности… Но времена эти уже, повторюсь, прошли. Это мы доживаем еще в архаическом обществе, привыкли, так сказать, строем шагать. Но даже наши церковные крестные ходы сегодня нуждаются в некоем переосмыслении с точки зрения их формы и организации. А молодежь уже не желает ни так ходить, ни так поступать. Хочешь не хочешь, а мир меняется, и если мы этого не захотим понять и с этим считаться, то молодежь мы к себе не приблизим. К себе – я в данном случае имею в виду к Церкви, а более широко – к Богу. Мы можем этот мир не принимать, не любить, критиковать, отвергать его ценности, но он таков, каков есть. Это мир личной ответственности. А она, вновь повторюсь, предполагает огромное количество ошибок, тогда как мы, сегодняшние взрослые, относимся к себе с излишне завышенной самооценкой, в том числе и по части нашего безошибочного жизнеповедения.

– И ждем того же от наших наследников.

– Совершенно верно, ждем того же от наших наследников. Сегодня формируется общество, где ты отвечаешь за свою жизнь сам, где государство занимается исключительно макроэкономическими и политическими проблемами. Если потребуется, оно будет тебя защищать, для этого у него есть полиция и армия. Оно содержит социальные службы, которые в рамках, определенных законом, поддержат и помогут тебе в старости. Но оно и снимает с себя ответственность за твое идеологическое воспитание, за определение твоей веры, ответственность за твою семью. Иными словами, ты свою личную жизнь во всех ее проявлениях и наполнениях устраиваешь сам.

– Для нас это ново и потому очень непривычно.

– Согласен. Но это – так.

– Вы говорите о таком мироустройстве без оценки. Просто констатируете факт.

– Без оценки. Именно констатирую. В этой жизни ты остаешься свободным (читай – одиноким) человеком, которому больше никто не поможет. Зато на тебе уже нет традиционных скреп, которые регламентировали бы все твое поведение.

– То есть в центре доминирует личность.

– Я бы сказал иначе. Доминирует ответственность личности. Следовательно, и вера человека – ведь мы говорим с вами именно об этом? – становится именно лично осознанной, лично воспринятой, то есть начинает быть настоящей. Воспитание в вере не может сводиться к тому, что родители отправят своих детей в православную школу и там те будут окружены своими сверстниками, окажутся в соответствующей атмосфере и т. д., и т. п., и тогда с ними все будет в порядке. До революции иные тоже считали так же, но мы знаем, что именно многие из семинаристов оказывались вдруг гонителями Церкви. Личного опыта человека ничто не может заменить.

– Но вы же не отрицаете роль семьи в воспитании человека, и в частности, в религиозном воспитании?

– Ни в коем случае! Но родители должны быть в состоянии ответить вызовам сегодняшнего дня. Я понимаю:

оставаться христианином в современном светском государстве трудно. Оно не очень-то приспособлено к жизненному укладу верующих. Сексуальное воспитание: когда, где его начинать – в семье, в школе, в детском саду? Сожительство вне брака: почему это не до́лжная вещь, хотя встречается сплошь и рядом? Проблема взаимоотношений полов… Да мало ли!.. Положа руку на сердце: многие ли родители в состоянии правильно ответить на эти вопросы? Тут мало быть верующим. Надо быть еще и образованным, и современно мыслящим.

– Вон сколько сложностей у взрослых!.. А вы хотите, чтобы молодежь решала эти проблемы сама.

– Я только говорю, что так есть. Сегодня люди, а молодые особенно, хотят выбирать сами и не хотят, чтобы это делали за них. Решат ли они последовать нашему примеру, во многом зависит от нас. Но при всех условиях это должен быть их (их!) личный выбор. Это и будет их свидетельство веры. И свидетельство Церкви тогда будет совсем иным, потому что она будет абсолютно свободна для своего главного назначения – проповеди Христа, свидетельства о Христе. Тогда, возможно, верующих будет меньше и мы не сможем представлять оптимистичные отчеты о росте количества прихожан, о числе исповедовавшихся или причастившихся, сколько человек посещает богослужения в такие-то дни, сколько пенсионеров, сколько молодежи… Не будет 85 процентов православных, как принято считать. Мы вступаем в иной мир.

– Но количественный подход пока все же остается.

– Да, остается. Мы, дети своего времени, никуда от себя не денемся. Но я стараюсь смотреть непредвзято и вижу неизбежность изменений, о которых говорил. Поэтому и место Бога в жизни человека, конечно же, будет, но каким-то иным образом. Не через традиционное наследование.

– Можно сказать, что у молодежи место Богу отведено в такой же степени, в какой и у их родителей?

– Да, конечно. Может, даже и в большей степени, потому что сегодняшняя молодежь, приходящая в Церковь и живущая в Церкви, – это не всегда дети, воспитанные своими родителями в вере. Нередко бывает так, что приходят молодые люди, два предыдущих поколения которых вообще не знали, что такое воспитать человека в вере. Способ воспитания в вере был ложным, фарисейским, жестким. Родители не понимали, чего они хотят добиться, и старались привить веру чисто внешним образом, опираясь на опыт XIX века, которого сейчас уже не существует и для которого просто нет условий.

– Нашему церковному сообществу предстоит гигантская работа над самими собой, чтобы понять: сегодня мы живем в другой реальности.

– Вне всякого сомнения, это так. Нужно проснуться. А потом не испугаться реальности. Очень легко и соблазнительно уйти в лето Господне. Представить, что мы находимся в каком-то шмелевском пространстве. Приятно, но бесперспективно.

– Наверное, к нашему случаю применимо евангельское научение о молодом вине, которое не наливают в старые мехи: тогда и мехи порвутся, и вино пропадет.

– Скажу больше. Слова Христа, к кому бы они ни были обращены и какой смысл ни содержали, касаются каждого из нас и любой стороны жизни.

– Благодарю вас, отец Алексий!

– Во славу Божию!

С отцом Алексием Уминским беседовал Павел Демидов

Сергей Комаров

Юность – посох в пути к Богу

Записки современного миссионера

Молодежь – это всегда поиск. Взрослеющий человек отыскивает свое место в этом большом мире. Он сознательно или несознательно ищет свою вторую половину, близкий ему род деятельности, пытается понять сферу личных интересов. И если человек честен и целеустремлен, он неминуемо дойдет в своем поиске до «проблемы Бога».

Если молодой человек родился в атеистической семье, его неверие должно будет выдержать проверку на прочность. Например, он обязательно столкнется с фактом, что есть множество умных, великих, гениальных людей, которые в Бога веровали и веруют. Если же человек воспитывался в религиозной семье и с детства ходил в храм, встанет вопрос об осознанной, взрослой вере. «Есть ли Бог? И если да, то зачем Он мне нужен? Для чего мне ходить в храм каждое воскресенье и вообще в церковь?» – рано или поздно обязательно спросит себя он.

Известный богослов и проповедник митрополит Антоний (Сурожский) рассказывал о своем обращении к Богу нечто подобное. Он был крещен в детстве и получил христианское нравственное воспитание, но осознанной веры не имел. Однажды, когда ему уже исполнилось 14 лет, его с другими детьми привели на лекцию какого-то богослова. Во время лекции мальчик решил, что ему необходимо окончательно прояснить для себя «христианский вопрос» – верить ли ему во Христа или нет. Если уж верить, то по-честному. А если не верить, то аргументированно.

Подросток принял решение обратиться к главной книге христианства – Евангелию. Придя домой, он снял с полки Библию, которая принадлежала его бабушке. Кого же из евангелистов почитать? Заглянув в содержание, Андрей (мирское имя митрополита) увидел, что Евангелие от Марка самое короткое. «Прекрасно! Разберусь с христианством раз и навсегда, и даже времени много не потеряю», – подумал он, сел и начал читать.

По мере того как он погружался в текст, всё отчетливее становилось ощущение, что в комнате Кто-то присутствует. И когда он закрыл последнюю страницу Евангелия от Марка, то почувствовал, что рядом с ним стоит… Сам Христос. И он понял: Бог есть, Евангелие говорит истину, Христос жив. И то, о чем он прочитал только что, настолько потрясающе, что этому надо отдать всю свою жизнь…

Для всякого ребенка, воспитанного в христианском окружении, настанет время взрослого переосмысления своей веры. И, скорее всего, это произойдет

не так быстро и просто, как с Андреем Блумом (будущим митрополитом Антонием). Возможно, взрослую веру придется выстрадать и выносить. И молодые годы – как раз то время, когда этому процессу естественно начаться.

* * *

Тем, кто постарше, всегда свойственно ругать современную им молодежь. Не уверен, что это правильно. Сегодняшняя молодежь ничем не хуже и не лучше предыдущих поколений. Человек по внутренней сути своей мало меняется на протяжении столетий. Правда, у нынешней молодежи есть ряд особых трудностей, связанных с приходом к Богу. Это суета и спешка современной жизни, перенасыщенность информацией, действие манипулятивных технологий. Наша цивилизация с детства прививает жадность и наглость потребительского сознания, культ эгоизма, взгляд на мир как на ресурс обслуживания наших страстей или как на сцену для самовыражения. Человеку, выросшему в такой культуре, тяжело приклонить свою непокорную шею под благословенное иго Господних заповедей.

Пришедшие в Церковь в молодежном возрасте наверняка хорошо помнят, как приходилось ломать себя первое время. Спина в поклон не гнется, какой-то внутренний стыд не дает перекреститься. Кажется, что в храме все на тебя смотрят с насмешкой. Невозможно подняться с постели на воскресную службу; на исповеди язык присыхает к гортани; быстро устаешь от богослужения. И тянет зайти в храм, и в то же время что-то отталкивает. И нравится вроде Евангелие, и тут же внутри поднимается какой-то внутренний протест. Вот так миллионы молодых людей годами ходят мимо храмов и не могут преступить грань между смертью и жизнью, гибелью и спасением, пустотой и смыслом.

Если человек из такого мира приходит к Богу, лично я воспринимаю это как чудо. И поэтому смотрю на молодого человека в Церкви с большой радостью. Если он пробился через все преграды и прошел путь от дискотеки до храма, он вызывает огромное уважение. Такого человека надо беречь и помогать ему в церковном пути.

Отец Андрей Кураев сказал как-то, что лучшие люди России учатся в семинарии и военном училище. В чем мысль богослова? Что объединяет духовенство и армию? Объединяет общая идея – идея служения, в нашем случае идея служения Богу и людям. Можно сказать, что молодежи вообще свойственна горячая решимость положить свою жизнь на алтарь служения чему-то высокому. И если парень или девушка в эти годы встречают Бога, это прекрасно. У них есть возможность строить свою дальнейшую жизнь вместе со Христом.

Многие священники рассказывают, какое двойственное чувство возникает, когда их зовут причастить умирающего старика и оказывается, что он причащается первый раз в жизни, хоть и был крещен в детстве. С одной стороны, есть радость от его обращения к Богу перед чертой вечности. Но с другой стороны, есть горечь и сожаление о том, что молодые годы и вообще вся жизнь прошли без Бога. Как жаль, что этот человек уже никогда не сможет познать, что такое проживать с Богом все периоды жизни – детство, молодость, семейную пору, зрелость, старость… Годы пролетели впустую.

Хорошо, что старики в конце концов находят Бога. Но как грустно становится от такой встречи, когда Господа пускает в свою жизнь прикованный к постели умирающий инвалид. Подателя Жизни призывает не тот, кто только собирается жить, но тот, у кого жизнь уже окончена.

Молодость – лучшее время для встречи со Христом! Как жаль, что мы это понимаем тогда, когда молодые годы уходят.

* * *

Для разговора с молодежью о Боге нужен особый формат. Здесь годится больше беседа, чем лекция. Должно быть много шуток и смеха. Да-да, смеха – и вряд ли стоит здесь включать пафос морализатора и с насупленными бровями доказывать, что всякий смех «от диавола» и проч. Молодежная аудитория – непростая. Она еще пока не сочувствует тебе, совсем не настроена на твою волну, и ты собираешься говорить с ними на самую сложную тему в мире. И если аудитория начинает смеяться твоим шуткам – значит, она твоя. Ты разрушил первичную атмосферу напряженности и недоверия и теперь можешь продолжать с ней диалог и вести ее куда-то дальше.

Молодежь честна и радикальна. Если взрослый уже имеет опыт компромиссов с совестью и некий скептицизм в отношении человеческой честности вообще, то молодые люди очень остро реагируют на любые признаки лжи. С ними надо говорить колко, честно, по существу и без околичностей. Но и без заигрываний! Как только они почувствуют, что собеседник прогибается под них, он станет для них неинтересным слабаком. Тем более что христианство для школьников и студентов часто ассоциируется с самоуничижением, безволием, пассивностью.

Один батюшка-миссионер говорил, что он обрел уверенность в разговоре со старшеклассниками только после того, как начал заниматься борьбой. И действительно, этот священник привел в храм довольно много молодежи. Спортивные успехи всегда уважаются в молодежной тусовке, а когда они сочетаются с верою во Христа и проповедью Евангелия, это становится особенно интересным. Ребятам нравится сам образ такого христианина – сильного телом и духом, любящего Бога и открыто проповедующего о Нем.

* * *

Всевышний ищет человека. Он ищет его с тех пор, как вышел искать спрятавшегося в кустах Адама («Адам, где ты?»). Творец ищет и призывает к Себе «всякого человека, грядущего в мир». Но особенным образом Он призывает тех, у кого еще не растрачены силы, не потеряно время, не развращен ум и есть огромный потенциал для служения Богу.

Брат, сестра, тебе 17, 20, 25 лет или чуть больше-меньше? Знай: тебя ищет Господь, потому что ты способен многое от Него взять и многое Ему отдать. Никогда не поздно встретить Бога, но лучше, если эта встреча произойдет раньше. И мысль эта – не моя. Еще три тысячи лет назад премудрый Соломон изрек назидание всей молодежи мира, на все оставшиеся времена: «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: “нет мне удовольствия в них!”. <…> Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:1,6–7).

Киев

Петр Сулицкий: «Я родился, чтобы жить вечно»

Надеюсь, меня простят читатели. Я решил использовать служебное положение и пригласил в собеседники собственного внука. А почему бы и нет? Ему тридцать лет. Он получил хорошее образование, развивает свой бизнес. Много и честно работает. Крещен в детстве. В Церкви с малых лет. И вот что получилось из нашей встречи.

Павел Демидов

– Ты – человек верующий, воцерковленный, то есть, не формально верующий. Как, по-твоему: уходит сегодня вера из молодежной среды?

– Ты задал вопрос, а у меня в связи с этим сразу возникли три встречных вопроса.

– Излагай.

– Что с чем ты хочешь сравнить? Сегодняшний день с советской эпохой? Если так, это, мне кажется, одна статистика. Если сравнивать сегодняшнюю Россию с современным европейским Западом или с молодежью во всем мире, это статистика другая. И, наконец, третье и, может быть, самое главное: что мы подразумеваем под местом Бога? Это нравственные или духовные аспекты в жизни молодого человека или личная религиозность?

– Какой смысл ты вкладываешь в понятие «личная религиозность»? Степень воцерковленности? То есть исполнение обрядовой стороны церковной жизни.

– Пожалуй, да.

– К сожалению, это довольно расхожее представление, но, увы, не очень соответствующее истине. Но вернемся к началу разговора. Какой период будем рассматривать? Начиная с 90-х годов и по нынешнее время. Тогда церкви стали открываться, были сняты все препятствия к их посещению, отправление веры не грозило никакими карами. И конечно, говорить будем о нашей, российской, молодежи. Нас волнует именно этот вопрос, к тому же мы не очень знаем, что там, у них, делается, а верить пропаганде – сам понимаешь… Так?

– Разумеется.

– Что касается третьего вопроса, нас, конечно, интересует не внешняя сторона, а существо – верующие они люди или не верующие, то есть живет ли в них Бог или Ему нет там места. Какое у тебя впечатление? Взять хотя бы твое окружение.

– Если говорить о моем окружении, то в нем есть представители самых разных взглядов. Есть несколько моих близких друзей, которые постоянно задаются вопросами сущностного содержания.

– Например?

– В чем смысл жизни вообще, и его личной в частности? Как жить по совести? И я знаю: у них постоянно душа работает. А есть друзья, которые исключительно практически, материально смотрят на свою жизнь, и это вообще их система мер. Для них главная ценность – личный успех: финансовое благополучие, жизненный комфорт, достижение карьерных вершин. Есть друг, который глубоко подходит к жизни, много читает, изучает, но не исповедует никакой веры, то есть придерживается атеистических взглядов. Но, насколько я могу судить со стороны, в его жизненном поведении есть место Богу. В главном, я вижу, человек старается жить по совести.

– Может быть, у вас так счастливо сложился коллектив?

– Уверяю тебя, никто этим специально не занимался. Правда, надо сказать, что не вписывающиеся в наш коллектив люди каким-то образом сами собой отпадали, хотя никто не прилагал для этого усилий. Я думаю, что срез нашей компании можно экстраполировать на все общество в целом. Он будет достаточно репрезентативным. Отвечая на вопрос, есть ли место Богу, могу сказать с уверенностью: да, конечно, есть.

– Как думаешь, от чего это зависит?

– Честно скажу: не знаю. Люди очень разные. Разное воспитание, росли в разной среде, естественно, с разными характерами, привычками и особенностями, а вот собрались вместе под одной крышей, и надеюсь всем им хорошо. Кто их объединил? Наверное, Бог.

– Это действительно величайшая загадка для нас, людей, и тайна: почему Господь одних призывает к себе, и тогда им вместе хорошо, а другие живут как бы сами по себе? Я помню твои первые шаги в храме. В основном бабушка, ну, я в какой-то степени были к ним причастны. В родительском доме ты, к сожалению, не получил религиозного воспитания. А вот вырос православным христианином… Сегодня это тебе помогает устоять перед соблазнами мира сего?

– Не совсем так. В родительском доме было очень серьезное нравственное воспитание, что, по сути, заложило основы понимания религии. Мне трудно сравнивать, как было бы, если бы я не был верующим. Но я ощущаю: живет во мне какое-то чувство. Оно останавливает меня перед поступком, за который мне было бы стыдно. Это не значит, что я такой уж весь идеальный,

но тормозная система внутри меня живет. Конечно, это и есть вера. Те, кого я считаю своими друзьями, тоже имеют такую систему.

– А много ли тех, у кого нет тормозов?

– Пожалуй… Я могу о Москве больше судить. Но я много езжу по стране и могу точно сказать, что Москва – это не показательная часть России. В провинции краски жизни не менее ярки и точно намного чище. Так называемая золотая молодежь есть, понятно, всюду. Эти ведут потребительский образ жизни, хулиганят, сидят на наркотиках. Они и есть без тормозов. Но я уверен: не они определяют лицо современной молодежи. Многие, я в этом убежден, живут нравственно чистой жизнью, знают, что такое любовь к ближнему, к родителям, стремятся помогать другим… Это те, кто хочет сделать мир не хуже, а лучше.

– А как, по-твоему, те, кто без тормозов, просто жертвы нашего времени, жертвы этого жесткого мира?

– По-моему, никакие они не жертвы. Сейчас больше возможностей выразить свою волю, сделать выбор. Не могу судить о советском времени по личному жизненному опыту, хотя кусочек его все же застал. Но передо мной мои родители, их друзья и знакомые. Я общаюсь с людьми, многие из которых были в советское время уже достаточно взрослыми. Но были ли они по-настоящему самостоятельными? Не думаю. Кто пытался высунуться с инициативой, получал по шапке. За них все решал партком, местком, комсомол, директор, а более широко – партия и правительство.

– Это хорошо или плохо? Вроде бы о тебе заботятся.

– Однозначно плохо. Потому что лишает человека инициативы. А для чего Бог дал человеку свободу воли, если тот не может ее реализовать?

– Значит, ты считаешь, что сейчас время более богоугодное, чем было раньше?

– Думаю, что это так. Человеку сегодня дано больше возможностей выбирать. Сейчас тебя ни в какие рамки не загоняют. Все открыто. Свобода волеизъявления и профессионального выбора есть. Иди той дорогой, какой захочешь.

– Не слишком ли идиллическую картину ты рисуешь? Разве тебе не приходилось сталкиваться с ситуациями, где твою свободу ограничивали, говоря проще – тебя зажимали? Тебя или твоих знакомых?

– Лично я с такими ситуациями не сталкивался. О друзьях и знакомых говорить не буду.

– То есть мы живем в обществе, где нет никаких конфликтов?

– Нет, это не так. Но тут нужно различать природу конфликтов. Если они имеют политическую природу. Если говорить о религиозной стороне жизни или вообще о ее духовном содержании, лично я не сталкивался с конфликтными ситуациями. Если только они не входили в ту же зону – зону политики. Тогда могут возникнуть коллизии типа разжигания межрелигиозной розни, оскорбления чувств верующих, но это уже политический аспект проблемы.

– На себе, во всяком случае, ты ничего этого не испытывал?

– Нет и нет. Правда, я не публичный человек, в политику не лезу, занимаюсь только своим делом. Возможно, поэтому у меня, как ты говоришь, идиллический взгляд на действительность.

– Из твоих слов можно сделать вывод: если человек, как ты, занимается только своим делом, существующая реальность его должна устраивать. Так?

– Да, так.

– Сегодняшнее время заточено на свободу личности, индивидуума, а не на свободу общества или коллектива. Так получается?

– Получается как раз так, и моя личная жизнь этому пример. У отдельно взятого человека больше возможностей проявить себя, чем у группы людей. Так, мне кажется, выстроено и законодательство, в этом, по-моему, заинтересовано и государство. Я бы сказал, что и технологии ориентированы таким образом. Взять те же социальные сети. Это трибуна для каждого, у кого есть идеи, предложения, проекты. С их помощью гораздо легче собрать единомышленников.

– Выходит, верующему человеку проще идти в ногу со временем. Ведь он больше обращен вовнутрь, больше стремится к общению один на один, то есть с Богом.

– Опять же могу судить по себе: это именно так. Поэтому он, наверное, и не сталкивается с конфликтогенными коллизиями.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда, скажем, собирается коллектив и вступает в противодействие с государством, с властью. Отдельная личность, если она не нарушает закон, как правило, беспрепятственно занимается собственной судьбой.

– Скажи, пожалуйста, вера помогает тебе идти по жизни или в каких-то случаях она тебя обременяет?

– Помогает или обременяет?.. Помогает – однозначно да, потому что в принципе она служит неким ориентиром, который выступает своего рода советчиком, когда я принимаю какое-то важное решение. Бывают моменты, когда она ограничивает выбор вариантов. Называть это бременем я бы не стал, потому что это тоже форма помощи. Вера ничему плохому не учит, к дурному поступку не подтолкнет, так что получается, она во всех ситуациях помогает. Так, во всяком случае, в моей жизни, потому что мне в принципе всегда сложно делать выбор, и чем больше для этого возможностей, тем оно труднее. Я сам себе иногда напоминаю Буриданова осла. У его морды на одинаковом расстоянии справа и слева повесили по охапке сена…

– И он умер от голода, потому что не мог выбрать.

– Вот-вот!

– Выбор, надо сказать, по-моему, вообще самая трудная проблема, и от нее никуда не деться. Человек постоянно что-то должен выбирать. А при свободной воле это особенно трудно. Может быть, лучше, если возможности выбора ограничены?

– Рискую навлечь на себя гнев и осуждение свободомыслящих граждан. Но я склоняюсь именно к такой точке зрения.

– Не дойдем ли так до абсурда: истинно свободен тот, у кого нет выбора? Он не находится в его плену.

– Это уже софистика. А в принципе проблема выбора – это личная проблема каждого, проблема его совести, его веры.

– То есть нравственные ориентиры необходимы.

– А как же! И чем их больше, чем они прочнее, тем тебе же лучше. Тем безопаснее твое движение по жизни.

– Среди верующих есть много людей, не живущих при этом полноценной церковной жизнью. Как по-твоему, это существенно? Церковная жизнь – это обязательный компонент жизни человека верующего?

– Мне кажется, это очень индивидуально. Должно зависеть от субъективного ощущения самого человека. Если церковная жизнь для него – логическое дополнение или неотъемлемый атрибут его веры, если ему это приносит гармонию, дарит энергию, если ему так проще общаться с Богом, конечно же – да. И это прекрасно. Если человек живет по совести, поступает по заповедям Божиим, совершает добродетельные поступки, а при этом не живет полной церковной жизнью, называть это неверным путем я бы не стал. Но я наблюдаю и тоже так думаю, что жить церковной жизнью зависит не только от самого человека, но и от Церкви тоже. У моих сверстников вызывает вопросы и недоумение, почему, например, Церковь занимается политическими проблемами. Мы знаем из Евангелия, как Христос выгонял из храма торгующих, а сегодня коммерциализация входит и за церковную ограду. Как, допустим, быть верующим молодым парам, фактически живущим в браке, но не зарегистрированным и не венчаным: можно или нельзя им причащаться? Ведь сегодня таких семей очень много. Можно ли с этим не считаться? Есть много и других вопросов. Люди, которые склонны к анализу, которые любят сравнивать реальность с тем, что написано и чему их учат, не могу не задумываться над этими вопросами. И это, мне кажется, в основном молодые люди.

–А почему ты думаешь, что это в основном молодые?

– Потому что они еще в поиске, у них еще нет устоявшейся точки зрения, не сложились обычаи и привычки. Возможно, для кого-то из них эти неотвеченные вопросы оказываются порогом, через который они не могут переступить по дороге к храму.

– Ты – человек, который не живет активной церковной жизнью. Я знаю, что ты и исповедуешься, и причащаешься, но регулярно в церковь не ходишь.

– Да, это так.

– Тебя заставляют жизненные обстоятельства или ты не испытываешь потребности регулярно, то есть часто, ходить в храм?

– Скорее, второе.

– А вот когда ты еще только подрастал, тебя часто водили в храм…

– Да, да. Во-первых, я был маленьким и меня скорее именно водили в храм вы с бабушкой. Смотрел, как делаете это вы. Во-вторых, в том возрасте я еще не задумывался над теми вопросами, которые беспокоят меня сегодня. Возможно, я скажу жесткие слова, но без церкви – не без Бога! – сегодня я могу обходиться. Каждый из вопросов может показаться мелочью, но когда они накапливаются, а ты не получаешь на них убедительного ответа, невольно возникает главный вопрос: а зачем ходить в церковь, если тебя туда не тянет?

– Это тоже тот фактор, который не притягивает, а скорее отодвигает от Церкви молодежь?

– Это очень важный фактор. Я понимаю: все мы люди и все далеко не святые. Редко кто может устоять перед искушениями мира сего. При сегодняшних средствах массовой информации и доступности самой информации любой неверный шаг становится широко известен. Особенно, если это касается публичных людей, людей, облеченных положением, саном. И это тоже работает против Церкви и против Бога. И, стало быть, против потенциальных верующих. А они в основном из молодежных возрастных групп.

– Насколько я понимаю, ты не отождествляешь веру с Церковью как земным институтом.

– Нет, для меня это различные понятия.

– Стало быть, твое сдержанное отношение к Церкви не влияет на состояние твоей веры, так?

– Именно так. Никак не влияет. У меня есть определенные установки. Есть мои внутренние убеждения. Какое-то движение внутри меня происходит, но я не могу сказать, что Церковь играет в этом определяющую роль.

– А что же играет?

– Литература… Собственные размышления… Мнение интересных людей…

– Например?

– Ну, хотя бы протоиерей Андрей Ткачев!

– Отец Андрей – это действительно жемчужина! Если бы существовала должность патриарха для молодежи, лучше его не найти. А приходится разговаривать с друзьями-единоверцами на эти темы?

– Да, и довольно часто. Это не носит характер богословских диспутов, до таких высот мы еще не поднялись. Чаще это бывает в шутливой форме, в каких-то подковырках друг друга. Так вера, она же не предполагает, что все должны быть сумрачны, с поджатыми губами. Еще апостол Павел говорил: «Всегда радуйтесь!». Говорим даже о смысле бытия. Помню, зашел разговор о скоротечности человеческой жизни, о том, что она вообще миг с позиций вечности, но именно поэтому не следует пренебрегать ни одним ее мгновением и стараться предельно наполнить ее божественным содержанием. Очень поучительный получился разговор.

– Как ты думаешь: вера все-таки сохранится в людях? Или она растворится в техническом прогрессе, в погоне за комфортом? Нужна она людям или не нужна?

– Не беру на себя смелость говорить за всех. Лично мне вера нужна. Без нее все теряет смысл. И прежде всего – жизнь. Утверждение, что жизнь конечна, мне тоже не близко. Я не понимаю людей, которые придерживаются такого взгляда на жизнь, В нормальном сознании неизбежно возникнет вопрос: для чего я в таком случае родился на свет? Чтобы потом умереть? Тогда это можно сделать не потом, а немедленно. Какая, собственно, разница? Если ты растворяешься в небытии, то какое имеет значение, прожил ты года два или десять? Прожил ты эти годы нищим или президентом страны, или олигархом? Разницы абсолютно никакой. Я родился, чтобы жить вечно. Вот что дала мне вера.

– Ну что ж, спасибо тебе, внук.

– Пожалуйста, дед.

Скажите, пожалуйста...

Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...

1. Как вы пришли к вере: с помощью старших, «за компанию», самостоятельно? В каком возрасте?

2. Вам достаточно носить крест на груди или вы ходите в храм, исповедуетесь, причащаетесь? Как часто?

3. Как вера влияет на ваш образ жизни?

4. Не приходила ли вам когда-нибудь мысль: не был бы я верующим, жил бы свободней?

5. Много ли в вашем окружении верующих юношей, девушек?

6. Если вам предстоит серьезно рисковать, кого вы предпочтете взять в напарники – верующего или неверующего? Или это не имеет значения?

Дмитрий

Юлия

Сергей

Дмитрий,
программист

1. К вере я пришел, наверное, как и многие в наше время, через скорби. Ничего такого страшного не произошло с моими близкими, но моя прежняя жизнь привела к тому, что я совершенно утратил смысл жизни. Потом, следующим этапом, я понял, что нравственность как таковая напрямую влияет на смысл жизни, желание жить. А потом я узнал, что, во-первых, нравственность без веры в Бога не имеет никакого смысла, и тогда у меня возникла проблема: я в Бога не верю, а говорят, что надо. Как быть? А дальше Бог решил это всё Сам. Через какое-то время я решил креститься и пришел к вере.
2. Нет, недостаточно. Я хожу в храм, исповедуюсь, причащаюсь, но не так часто, как хотелось бы. Семейная жизнь не позволяет особенно часто ходить в храм. Стараюсь хотя бы раз в пост исповедоваться, причаститься, но если получается чаще, то я с радостью это делаю.
3. Напрямую. Я не так давно верую, но стараюсь, чтобы мои убеждения, которые я принял, как можно сильнее, больше проникали в мою жизнь в работе, в семье в первую очередь. А так я не могу похвастаться ничем.
4. Нет, я свободнее как раз стал, когда стал верующим. Мне в этом плане повезло. Я вырос в атеистической семье, но ощущение несвободы мне не привилось.
5. Нет, к сожалению, не много. В моей профессии их почти совсем нет, но, по крайней мере, они свой атеизм никак не проявляют. То есть они где-то и сидят недалеко от меня, но я не знаю ничего об их вере или неверии.
6. Вообще, конечно, верующего, но в данном случае имеет значение, верующий ли человек на деле, потому что бывает: человек на словах сугубый материалист, а на деле может оказаться вполне себе верующим человеком. Верующего всегда видно в делах.

Юлия,
сотрудник финансового отдела логистической компании

1. Я пришла к вере в детском возрасте. Примерно в пять лет мама привела меня в церковь. Мне понравилось стоять на службе, какая-то внутренняя радость появлялась после этого. Я ходила с мамой в церковь и до сих пор хожу.
2. Мне недостаточно носить только крест на груди. Я стараюсь каждое воскресенье ходить в храм, исповедоваться, причащаться. Считаю, что для того, чтобы считать себя верующим человеком, нужно полностью участвовать в церковной жизни.
3. Наверное, мне легче принимать какие-то решения, легче отвечать себе на важные вопросы – в чем смысл жизни, для чего мы живем? Легче даже как-то строить отношения со своими родственниками и домашними, легче простить.
4. Нет, не приходила такая мысль, хотя вера накладывает много ограничений. Это и пост, и какие-то другие обязательства, но я не считаю это ограничением свободы. Но даже если бы вера ограничивала свободу, это не значит, что я выбрала бы свободу от веры, скорее – нет. Вера дает радость, содержание, смысл. Без веры жизнь была бы просто бессмысленной и я жила бы как хомяк, бегающий в колесе.
5. В моем окружении очень мало православных. Ни в институте, ни на работе я не встречалась с верующими православными людьми.
6. Я скорее возьму в напарники верующего человека, потому что… это, наверное, стереотип, но мне представляется, что верующий человек более ответственный, на него можно положиться.

Сергей Пугач,
предприниматель

1. Был случай, заставивший меня задуматься, что есть что-то свыше, чем просто материальные вещи. Возникла ситуация, в которой я вынужден был задуматься над этим, а позже еще на это натолкнули песни Талькова. Я слушал их, и всё как-то собралось за несколько лет. Это не было за одну секунду. Это было примерно 13 лет назад.
2. Да, я хожу в храм. Стараюсь каждое воскресенье, детей вожу. Лет 10 я уже хожу в храм. Однозначно я считаю, что все церковные правила стоят того, чтобы их стараться выполнять, иначе это всё не о том.
3. Вера полностью меняет жизнь. Моя жизнь строится исходя из тех ценностей и принципов, которые заложены в заповедях и которые изложены в Евангелии. По крайней мере, я ими руководствуюсь. Также в воспитании детей я стараюсь исходить из этого.
4. Нет. Точно нет. Наоборот, я всё время задумываюсь, как живут люди неверующие, как они проживают все те моменты, которые не укладываются в простые решения. Например, есть какие-то трудности, сложности, и как это всё можно воспринимать адекватно, если ты не понимаешь, зачем тебе это вообще нужно? Свобода для меня в вере.
5. Нет, не много. Хотя постепенно они появляются. Если общаюсь с людьми, то все равно выбираешь их уже по ценностям. Даже если они неверующие, они должны быть в рамках какой-то человеческой приличности. Если, допустим, человек матерится, я стараюсь его корректировать, не получается – стараюсь с ним не общаться. Супруга у меня была неверующая, но приняла мои ценности и постепенно поверила.
6. Для меня это не имеет значения. Конечно, хорошо, если бы было больше людей

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО БОГУ У МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Анкета «Лампады»

Михаил

Анна

Светлана

Евгений

истинно верующих, которые так и поступают. Есть люди, которые не верующие, но они всё равно добры, они не предают. По каким-то параметрам очень надежные и хорошие люди. В моем окружении верующих очень немного.

Михаил,
учитель английского языка
в православной школе

1. К вере я пришел не с детства, хотя с детства меня водили в храм. Пришел где-то к двадцати годам, когда поступил в православный Свято-Тихоновский университет. Но могу сказать, что, если бы меня не водили в храм родители хотя бы изредка и не было бы такого выбора – поступить в университет, вероятно, мое воцерковление в полном смысле не состоялось бы.
2. Крест я ношу на груди с рождения. Стараюсь регулярно исповедоваться и причащаться по двунадесятым праздникам и в другие дни, когда я готовлюсь. Сложно сказать, как часто это происходит, это зависит от моего внутреннего состояния.
3. Вера влияет на образ жизни. Для меня вера и образ жизни – это две составляющие. Мою веру я не могу отделить от своей жизни.
4. Нет, не приходила эта мысль. Наверное, жил бы, но мне эта свобода была бы в тягость.
5. Поскольку я работаю в православной школе, их достаточно, а вот среди друзей не очень много.
6. Наверное, если есть выбор, то ближе, конечно, верующий человек, потому что с ним возможно помолиться, поговорить на какие-то темы.

Анна,
менеджер по продажам

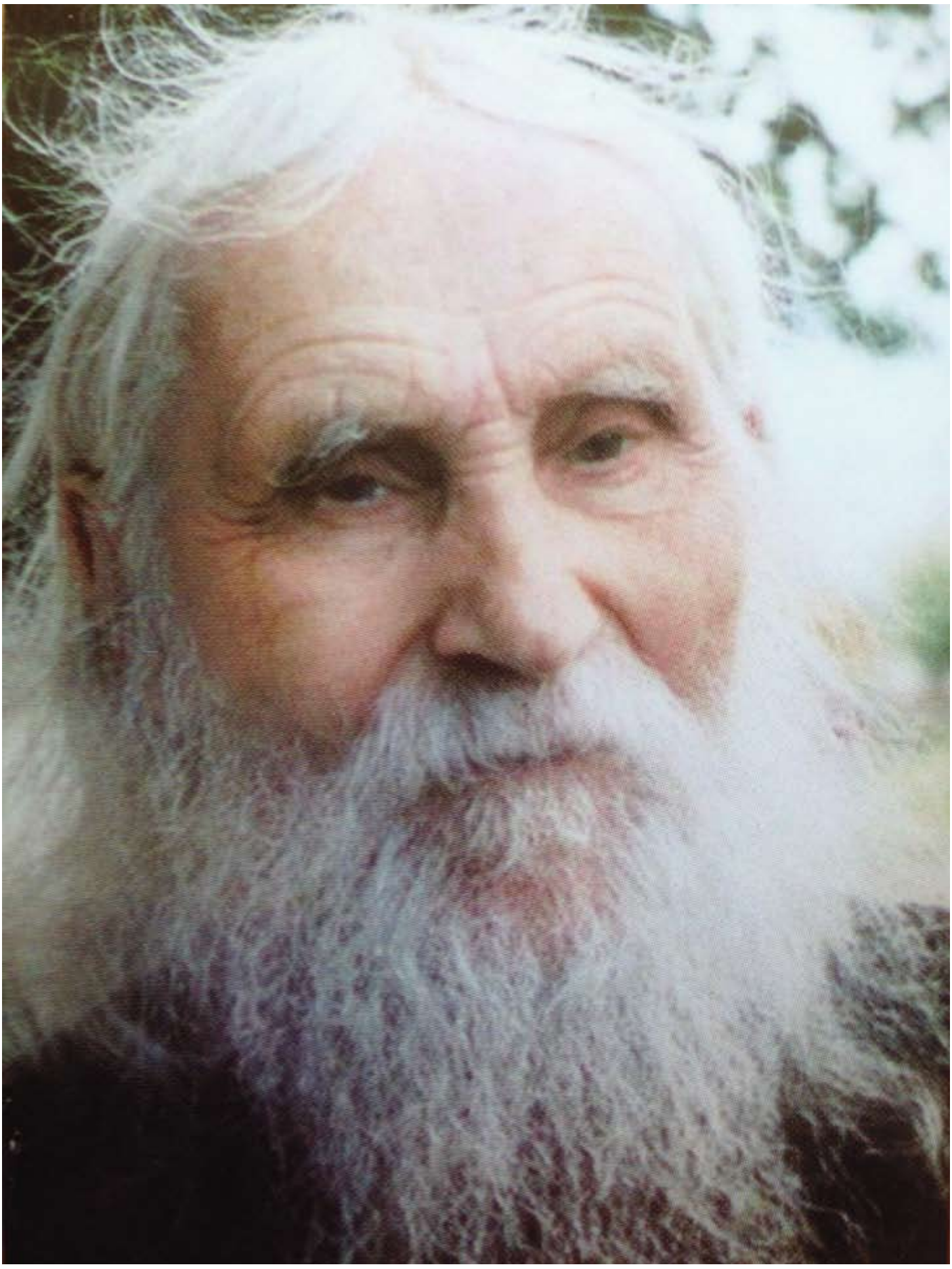
1. Подруга привела меня в церковь. Мне было где-то 24 года. Пришла, посмотрела, сначала было страшно и необычно всё для меня. Просила Господа, чтобы Он вселил в меня веру, и потихонечку пришла к ней.
2. Мне очень важен крест на груди. Я верю в силу креста, хожу в храм, причащаюсь, молюсь. Вера в моем сердце. Причащалась последний раз три месяца назад. Бывают такие моменты в жизни, когда немного отходишь от этого всего, но все равно тянет в храм.
3. Страх перед Христом – не угодить Ему, что ли, оберегает от многих ненужных поступков. Вера меня делает добрее к людям.
4. Нет. Чувствую себя свободнее, стараясь соблюдать заповеди, любить Господа и не обижать ближнего своего.
5. Очень много. Практически всё мое окружение – это верующие люди, вся моя семья, родственники.
6. Конечно, возьму в напарники верующего человека, потому что это брат или сестра для меня, верующий человек будет для меня напарником, соратником.

Светлана Железняк,
директор воскресной школы,
ответственная за работу с молодежью
на приходе храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

1. Вера в Бога у меня была всегда. Я, как и многие, посещала храм ежегодно на Рождество и Пасху, носила крестик, но в таинствах не участвовала, не молилась. Вера эта моя была неосознанная, не было чувства причастности себя и своей жизни к Богу. И только после произошедших трагических событий в моей семье, на тот момент мне было 27 лет, состоялась моя личная встреча с Богом.
2. Нательный крест я ношу в знак своей веры и верности Христу, но только этой внешней принадлежности недостаточно. Без участия в таинствах, особенно Покаяния и Причащения, жизнь и спасение христианина невозможны. По возможности, я исповедуюсь и причащаюсь один-два раза в месяц, на двунадесятых праздниках и чаще в дни постов, еженедельно бываю в храме на богослужении.
3. Веру мы приняли как дар от Бога, но она без дел мертва, поэтому по мере сил хочу послужить ближним и Богу. В течение уже тринадцати лет несу послушание в храме, для меня это не просто работа, это моя жизнь! Здесь я учусь многому: видеть свои ошибки, оценивать свои поступки, нести ответственность, преодолевать трудности с помощью Божией, а главное – есть возможность послужить Богу и людям.
4. Нет, не приходила. Понимание свободы бывает разное, для христианина свобода заключается в том, что при желании он может не делать того, что противоречит заповедям Божиим, что вредит его душе и мешает спасению. Тогда как понимание «я свободен», то есть что хочу, то и делаю или делаю потому, что так делают все, и неважно, хорошо это или плохо, говорит об обратном, о невозможности противостоять греху и о порабощении им.
5. В храме я работаю в воскресной школе и с молодежью, занимаюсь миссионерской работой, поэтому в моем окружении много верующих юношей и девушек.
6. Среди неверующих людей есть много достойных доверия, ответственных, добрых, отзывчивых людей, но легче мне было бы довериться верующему человеку.

Евгений,
экономист

1. С помощью старших уже в возрасте после 20 лет, когда крестным попросили стать, когда стал проходить лекции перед крещением, на которых стали всё объяснять, рассказывать. Хороший попался наставник, очень всё хорошо, грамотно рассказал про веру, что, как, зачем, для чего нужно.
2. Я считаю, что крест на груди еще не значит ничего. Можно его носить просто как бижутерию. Надо понимать, зачем его носишь, для чего. Причащаться и исповедоваться не часто хожу, реже, чем раз в год.
3. Конечно, вера во многих ситуациях помогает. Когда что-то хорошее происходит, не забываю благодарить Бога.
4. Нет, такого никогда не приходило в голову.
5. Из наших друзей достаточно много верующих, кто ходит в храм, причащается, соблюдает посты.
6. Если предстоит рисковать, то возьму, конечно, верующего. Изначально верующий человек чистый, с чистыми мыслями, поэтому лучше его с собой взять.

Сегодня остров Залит на Псковском озере известен, без преувеличения, всюду, где живет хотя бы один христианин. А прославился этот крохотный кусочек суши благодаря скромному православному священнику – отцу Николаю Гурьянову, который в течение сорока лет был бессменным настоятелем местного Никольского храма. К батюшке приезжали не только со всех концов России, но и из многих стран мира. Одни – за мудрым советом, другие – поделиться своим горем и попросить утешения или заступничества, третьи – услышать пророчество о будущем нашего грешного мира. Но главное сокровище, которое люди, быть может сами о том не догадываясь, увозили с собой, – это великий урок Любви, преподанный старцем, то, чего нам всем сейчас так не хватает.

Родился будущий отец Николай в 1909 году в семье регента церковного хора Алексея Ивановича Гурьянова в селе Чудские Заходы Санкт-Петербургской губернии. У него было три брата, унаследовавших от отца музыкальные способности, старший из которых, Михаил, даже преподавал в Санкт-Петербургской консерватории. Но все они погибли в годы Первой мировой войны. Глава семьи ушел из жизни в 1914 году, и лишь матери, Екатерине Степановне, Господь ниспослал долголетие: она дожила до 1969 года, помогая сыну нести его пастырское служение.

Уже в новое время Николай окончил педагогический техникум и поступил в Ленинградский педагогический институт. Но вскоре его исключили, так как он открыто выступил против закрытия одного из городских храмов. И, само собой, тут же попал в поле зрения органов ГПУ. Чтобы как-то заработать, Николай давал частные уроки, но главным для него оставалась церковь. С 1928 по 1931 год он служил псаломщиком в различных храмах Ленинграда и области. А дальше жизнь потекла по законам советского времени: вскоре его арестовали «за религиозную пропаганду» и в ожидании суда он провел несколько месяцев в печально известных Крестах, после чего последовала ссылка в Коми. После пяти лет ГУЛАГа, сделавших его инвалидом, Николай Алексеевич смог осесть в Тосненском районе. Учительствовал. В войну оказался на оккупированной территории, где, как и в прежние годы, служил псаломщиком в одной из церквей. В годы оккупации Гурьянов окончательно решил посвятить свою жизнь служению Богу. В начале февраля 1942 года он был рукоположен во дьякона, а уже через неделю в иерея. Этот сан он принял целибатом, то есть дал обет безбрачия до конца своих дней. Таинство над ним совершил митрополит Сергий (Воскресенский). Окончив в том же году богословские курсы, Николай Гурьянов был направлен в Ригу, где служил священником в женской Свято-Троицкой обители, а затем некоторое время пробыл уставщиком вильнюсского Свято-Духовского монастыря.

С 1943 по 1958 год он служит в Литве, в православной церкви села Гегобросты. В 1951 году отец Николай окончил Виленскую семинарию и продолжил заочное обучение в Ленинградской духовной академии. По воспоминаниям близко знавших его людей, уже завершив образование, в 1958 году отец Николай посетил некоего старца, имя которого осталось неизвестным, и тот открыл ему место, которое Господь предназначил для будущего служения и куда надлежало прибыть в скорейшем времени. Это был остров Талабск на Псковском озере, получивший в советский период имя видного коммуниста Залита. Там и прошли все последующие сорок лет жизни необыкновенного батюшки.

Вместо предисловия

«Старец дорогой, открой нам путь святой!»

Известно, как нам, православным, бывает трудно собраться в святые места. То сами поездку откладываем, то неожиданно возникают препятствия. Мы собирались на остров, к отцу Николаю несколько лет. И ничего не получалось… Наконец я стала молиться отцу Серафиму Вырицкому (он еще не был канонизирован). В одной статье о нем прочла молитовку: «Старец дорогой! Открой мне путь святой!». Начала я усиленно повторять ее.

И Господь открыл нам этот святой путь. В канун праздника иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», в декабре 1998 года, мы неожиданно быстро собрались, за полчаса до отправления поезда приехали на вокзал, а на следующее утро уже были в Пскове.

…Раннее морозное утро! А мы уже стоим возле домика отца Николая. Привез нас таксист, для которого дорога на остров оказалась хорошо знакомой. И мы даже не успели заметить, как переехали через озеро. С асфальта свернули на проселочную дорогу средь белых полей… А под нами лед был, озеро…

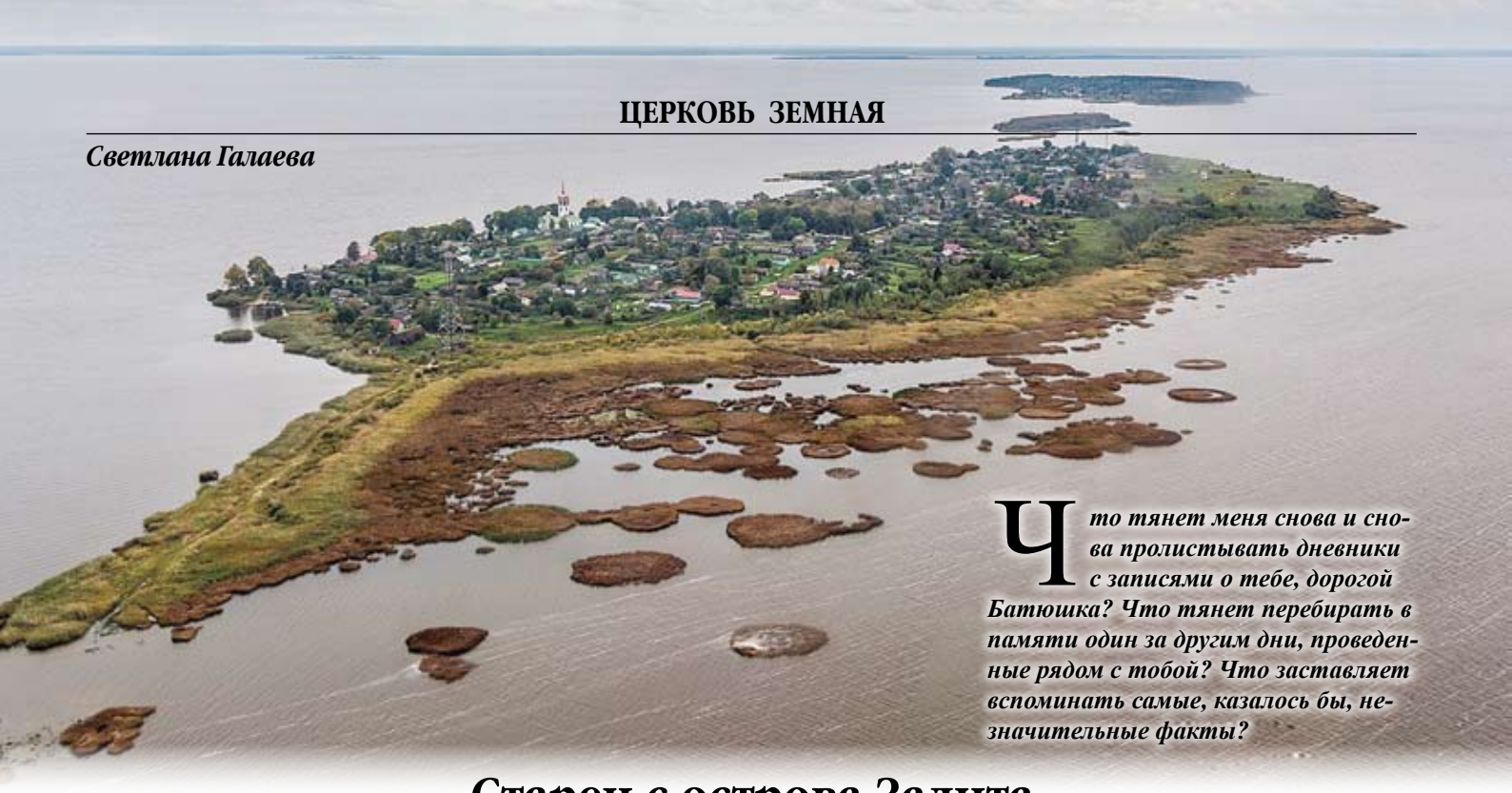
У калитки маленького зеленого дома первые слова услышали: «Матушка! Сейчас, немедленно сообщите Батюшке, что сегодня будет решаться вопрос о канонизации о. Серафима Вырицкого». Взволнованный голос прозвучал за спиной. Женщина, которая подошла вслед за нами, обращалась к келейнице (Валентине Васильевне, как мы потом узнали), просила Батюшкиных молитв.

40 лет у Царских врат. Бессменно

Так преподобный Серафим Вырицкий привел нас к дверям кельи старца – отца Николая Гурьянова.

Светлана Галаева

Что тянет меня снова и снова пролистывать дневники с записями о тебе, дорогой Батюшка? Что тянет перебирать в памяти один за другим дни, проведенные рядом с тобой? Что заставляет вспоминать самые, казалось бы, незначительные факты?

Старец с острова Залита

Каким он остался в моей памяти и в моей душе

Конечно, желание найти ответ на то, что мучает душу сегодня. На те вопросы, которые надо решать и не решить без тебя, Батюшка. И прибегаю к твоим словам, чтобы утолить ту боль, от которой стонет душа сегодня. И жажду знать волю Божию на каждый оставшийся день, или год, или годы жизни моей и близких моих…

Перечитываю книги, с любовью написанные о тебе другими людьми… И читаю «Слово жизни»… И иду в твою келью, чтобы грешные ноги мои прошли по тем же половицам, где ступала твоя нога. И прижимаюсь к твоему изношенному подряснику, чтобы ощутить тебя рядом. И вглядываюсь в ту же озерную гладь, куда смотрели твои глаза…

И, конечно же, утром и днем, и вечером спешу к родной могилке. И снова и снова прошу помощи – прояснения непонятного, облегчения в тяготах, исцеления в болезнях. И терпеливо жду и жду. Не изменится ли что-либо в сердце? Не станет ли оно чище, не умножится ли в нем вера? И жажду услышать родной голос и получить ответ. Но лишь одна евангельская строка звучит в утешение: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же» (Евр. 13:8).

КО ГОСПОДУ – С КРЕСТОМ

Многие спрашивали о старце, многие просили рассказать о Батюшке. Но почти не было слушающих. Даже некоторых священников больше волновал вопрос: а что говорил старец о последних временах, о войнах, об ИНН, о паспортах? И узнав, что ничего об этом мы не слышали, теряли интерес к рассказу.

Был ли наш Батюшка пророком? Не знаю. Если только по пушкинской логике: «Поэт пророком быть обязан!». А поэтом старец был. Он чувствовал и глубоко ценил поэзию этого преходящего мира и созерцал поэзию Вечности. Он пережил времена тяжелейших гонений: и голод, и холод, и непосильный труд, и надругательство в лагерях… Но молчал об этом. Что предстоит нам? Может, многие пройдут через те же испытания? И об этом старец тоже молчал.

А вот о необходимости соблюдать заповеди говорил ежедневно. И о скоротечности жизни – так же часто.

Всё исчезнет в этом мире,
Как трава и цвет в полях.
Нищий в рубе,
Царь в порфире –
Обратятся оба в прах.

Наш Батюшка стоял на пороге Вечности и оттуда видел ад и рай. И нам заповедал более всего хранить веру православную.

«Даже уже когда смерть будет совсем близко, вы все-таки, мои драгоценные, держитесь за крестик: ведь мы тогда предстанем ко Господу с крестом. А это как хорошо!..» – говорил он.

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМУШКИ

Не всё, что хранится в памяти о старце, можно соединить в логически связанную цепочку, но думая о том, что и несколько слов, для кого-то мало значащих, другому могут послужить ко спасению, стараюсь вспомнить как можно больше.

Когда Батюшка обличал человека, то делал это с такой любовью к нему, что сразу трудно было понять, что это обличение. Казалось, отец Николай просто шутит или хвалит.

«Да покорится муж жене», – говорил супругам, где жена главенствовала. «Это кто?» или «Кто она тебе?» – внешне простодушно обращался к родным, где отношения строились неправильно. Батюшка иногда перефразировал слова известной советской песни: «Старикам везде у нас дорога, молодым везде у нас почет». И становилось ясно, что имел в виду старец, говоря это как бы с юмором…

Женщине, которая пожаловалась, что ее укусила собака, он, помнится, сказал: «Так ведь нога у тебя зажила». И вроде бы сами собой отклонились злопомнение, и саможаление.

Когда мы начинали жаловаться на нездоровье, Батюшка говорил нам: «Всё у вас хорошо. Всё хорошо!». И такая уверенность была в его словах, что легче становилось переносить болезнь.

Вера в то, что молитва Батюшки творит чудеса, была настолько в нас сильна, что порой лишала благоразумия. Так, у дочки затянулись кашель и боль в горле. Подходя к отцу Николаю, я просила: «Помажьте горлышко». И вдруг Батюшка как приказывает: «К врачу!». Как же мы расстроились… Подхожу снова к отцу Николаю и говорю: «Зачем же к врачу? Ведь вы нас помазываете, мы причащаемся…». Но старец строго повторил: «К врачу». Мы обиделись так, будто нас вообще прогоняют. К врачу не пошли, проявив своеволие. Батюшка, видя нашу упертость, не стал нас «переламывать» – упросил Господа, и

болезнь прошла. Но для нас с дочкой это было уроком: так поступать, как сделали мы, нельзя – своеволие… Батюшка очень уважал труд врачей, называл их профессию евангельской.

Одной девочке на острове старец сказал: «Надо делать операцию!». Но она так плакала, не соглашалась с таким советом. И Батюшка сказал: «Ну ладно. Не делай». Без операции девочка обошлась: вымолил! Случаев дивной помощи отца Николая людям было много. Мы стали в то лето свидетелями того, как православные возвращались благодарить старца: у кого-то сын нашелся, кто-то в институт поступил, а кому-то и операция не понадобилась…

Много раз я сетовала на то, что не приехала на остров к отцу Николаю раньше, ведь узнала о нем еще в 1992 году. Но, с другой стороны, старец и остров пленили бы меня сразу, захотелось бы купить дом. А вместе с домом пришли бы хлопоты по хозяйству. Огород и прочее… Тяжелый островной быт не позволил бы в то благодатное последнее лето XX века всё свободное время проводить возле дома старца, наблюдать каждый его выход в течение трех месяцев, вести ежедневный дневник.

Люди, знавшие Батюшку многие годы, вряд ли наберут такое количество драгоценных часов и минут, какие достались нам напоследок. Вот и перебираю эти дни, часы, минуты, как драгоценные камушки, вытаскивая то один, то другой.

Одному рабу Божию отец Николай сказал, помазывая его: «Ты мой ближний». Жизнь этого человека изобиловала всевозможными скорбями. Возможно, отец Николай дал понять ему, что не оставит его своими молитвами в горестях.

Когда одна женщина сказала, что ее близким негде жить и как, мол, быть в таком случае, старец ответил ей на вопрос вопросом: «А кто они тебе? Родные?». Она спохватилась со стыдом: «Родные! Родненькие…». Через такое, незаметное для многих назидание она и получила ответ. Еще был случай, когда задали вопрос: «Оказывать помощь родственникам?». Батюшка ответил: «А как они сами думают?». Ответ Батюшки содержал в себе удивительное начало: заставлял работать ум, совесть, душу того, кто к нему обращался.

Мы заметили: отец Николай часто возвращал гостинцы, привозимые ему. «Нет, нет, деточки, вам самим нужно». Как ни упрашивали. Разве только от простого хлеба не отказывался.

В тот год была канонизирована блаженная Матронушка. Съездив в Москву на несколько дней, привезли отцу Николаю икону Святой из Покровского монастыря. «Батюшка, это вам. Она будет вас охранять», – говорит дочка. «Хорошо, деточка, подержи». Ксения держит икону, стоит рядом с Батюшкой, пока он благословляет людей. Потом он бережно берет образ и идет к дверям домика, по дороге благословляя им охранников. А охранники, бывало, говорили: « Мы не знаем , кто кого здесь охраняет».

Однажды стою рядом с ним, только по другую сторону забора. Он то ли поет, то ли читает стихи. Вдруг вижу: голубь оставил след на его руке. Мгновенно в моей бедной головушке мысли, мысли: «Вытереть ему руку бумажным платком?.. А как же без благословения до него дотрагиваться?..». С трудом решаюсь: надо спросить! «Батюшка, у вас ручка грязная…». Пока выдавливаю из себя слова, какая-то женщина, стоящая рядом, одним движением вытирает его руку и решает всю «проблему». А я стою, как будто голубь надо мной пролетел. Стыдно вспомнить, до чего мы порой любим отцеживать комара…

Не могу не подчеркнуть: наш Батюшка не подавлял чужую волю. Когда от отца Николая слышали: «Ваше дело. Дело ваше», это означало, что мы не хотим слушаться его или не можем выполнять волю Божию...

Все вокруг служило нашему воспитанию, назиданию, надо было только уметь разглядеть. «Видите, как листочки на деревьях пожелтели? Это за грехи наши. А деревья-то в этом не виноваты», – не уставал повторять наш старчик.

Как-то отец Николай сказал: «А зимой-то у нас здесь так хорошо… Воздух какой!..». Как я поняла, он нас впрямую не звал, но мысль заронил. И она дала росток. «Ой, Батюшка, так у вас здесь зимой можно домик снять?». – «А печку-то топить умеете?». Разумеется, печку топить мы не умели. Но простой вопрос как бы поставил на место наши мозги: не следует поддаваться первому эмоциональному порыву – надо думать и о прозаических, но необходимых вещах. Позже, получив благословение на покупку дома, пришли за благословением и на печные дела. А отец Николай нам говорит: «Так я ведь уже помазал вас».

Я записала рассказ Юлии (она купила дом на острове после смерти Батюшки), относящийся к 1999 году:

«Мы собирались уезжать, и, когда вышел отец Николай, я еще раз попросила молитв за сына. Батюшка взял Диму за чуб и говорит: “Слушайся маму. Учись считать, писать и разговаривать. Приеду к вам домой через два года”.

Первый год ждала, второй жду, когда к нам Батюшка приедет. И вот через два года по пути домой остановились мы на пару дней в Пскове. Зашли по традиции помолиться в Троицкий собор. Свечи, иконки и фотографии отца Николая купили. Приехали в Москву, разобрали вещи, вынула я фотографии, одну из них поставила на полочку… И тут только поняла: вот он, Батюшка, приехал ко мне ровно через два года!

Теперь я всем говорю: если у вас есть фотография отца Николая, значит, Батюшка у вас дома».

(Окончание очерка в следующем номере)

К Батюшке, на остров. И летом…

…и зимой

Ирина Монахова

«Путь наш должен быть пред Богом»

Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя

Сергей Тимофеевич Аксаков

Как правило, эпистолярное наследие писателей интересует в основном только специалистов – литературоведов и историков. Но письма Николая Васильевича Гоголя являются исключением из этого правила. Помимо биографических подробностей, в них есть содержание гораздо более значительное. Его размышления о пути человека к Богу, о воспитании своей души и преображении окружающей жизни в духе христианства составляют своеобразную проповедь. Однако Гоголь стремился не столько поучать своих друзей и родственников, сколько помочь им. Как человек глубоко верующий и прошедший большой духовный путь, он хотел поделиться своими открытиями и обретениями на этом пути. Он, например, рассказывал об опыте «борьбы с собой», то есть о преодолении своих недостатков. Советовал, какую духовную литературу следует читать. И, главное, призывал не ограничивать веру в Бога только молитвами, а *жить по-христиански*. То есть в каждом деле в своей повседневной жизни поступать в соответствии с христианскими заповедями.

Петр Александрович Плетнев

Душеполезные письма Гоголя собраны в книгах «Н.В. Гоголь. Из писем. “Что может доставить пользу душе”»[1] и «Н.В. Гоголь о христианской жизни»[2].

В апреле этого года исполняется 210 лет со дня рождения Н.В. Гоголя. Продолжаем рассказ об истории душеполезной переписки великого писателя[3]. Среди ближайших друзей Николая Васильевича были С.Т. Аксаков, П.А. Плетнев и А.О. Смирнова-Россет.

Александра Осиповна Смирнова-Россет

[1] *Н.В. Гоголь.* Из писем. «Что может доставить пользу душе». / Составитель и автор вступительной статьи И.Р. Монахова. – М.: Старклайт, 2006.

[2] Н.В. Гоголь о христианской жизни. / Составитель и автор вступительной статьи И.Р. Монахова. – М.: Издательство «АБВ», 2019.

[3] Статьи на эту тему были опубликованы в «Лампаде № 1-2013 («Все события -- Божьи слова к нам. Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя») и № 2-2015 («Ответ из глубины души. Из истории душеполезной переписки Н.В. Гоголя).

* * *

Сергей Тимофеевич Аксаков был одним из самых сердечных друзей Гоголя и самых восторженных поклонников его творчества. Общение с Гоголем побудило его серьезно заняться собственным литературным творчеством. У Аксакова неизменно вызывало восхищение появление каждого нового гоголевского произведения – от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» до «Мертвых душ». Однако он с непониманием отнесся к «Выбранным местам из переписки с друзьями» и вообще к новому, религиозно-нравственному, направлению, которое всё больше занимало мысли Гоголя и проявлялось в его сочинениях и письмах. К постижению Гоголя – духовного писателя Аксаков шел долгим и трудным путем. Его прозрение в отношении роли Гоголя как проповедника и ревностного христианина произошло только после смерти Николая Васильевича. Тогда, по-видимому, и письма его, в которых встречаются глубокие размышления и поучительные советы, стали восприниматься Аксаковым по-другому – с пониманием их истинного смысла.

В 1842 году Гоголь писал Аксакову:

«Любовь душ – это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно; всё, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство. <…> Благоговение же к Промыслу! Это говорит вам вся глубина души моей. Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается всё, и никто не верит чудесам, – в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога оно ниспустилось в наши души. Итак, светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в Бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастием».[1]

В 1844 году: «Один упрек вам следует сделать – в излишестве страстного увлеченья во всем: как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас. Итак, глядите твердо вперед и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновенье нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что они в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занеслись Бог знает как, и гордость наша заставила бы нас наделать множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смиренья, которое составляет первую красоту души» (XII, 300).

В 1846 году: «Принимайте покорно всё, что ни посылается нам, помышляя только о том, что это посылается Тем, Который нас создал и знает лучше, что нам нужно. <…> Всё обратится в добро. Не вследствие какой-либо системы говорю вам, но по опыту. Лучшее добро, какое ни добыл я, добыл из скорбных и трудных моих минут. И ни за какие сокровища не захотел бы я, чтобы не было в моей жизни скорбных и трудных состояний, от которых ныла вся душа, недоумевал ум помочь. Ради Самого Христа, не пропустите без вниманья этих слов моих» (XIII, 140).

* * *

В отличие от С.Т. Аксакова, Петр Александрович Плетнев, известный литературный деятель, издатель журнала «Современник», всегда относился к Гоголю с пониманием и горячо одобрял новое, духовное направление в его творчестве. Более того, он стал издателем «Выбранных мест из переписки с друзьями» и одним из немногих современников Гоголя, высоко оценивших эту книгу еще при жизни автора. Действительно, таких людей, которые сразу же при появлении «Выбранных мест…» поняли всё значение этого произведения для развития русской литературы, были единицы. Плетнев поддерживал Гоголя в тяжелой ситуации непонимания его многими современниками, защищал эту книгу от многочисленных критиков – «нападателей», по выражению Гоголя. У этой книги даже еще до публикации появились оппоненты, а цензура вычеркивала из нее целые главы. А после ее публикации многочисленные критические отзывы (в основном отрицательные – гневные, насмешливые, иронические, полные негодования и недоумения) обрушились на автора «как из рога изобилия».

«Выбранные места…» вышли в свет 13 января (по новому стилю) 1847 года. В преддверии этого события, 5 января того же года, Гоголь писал Плетневу, чтобы поддержать его в борьбе с различными препятствиями, которые возникали при издании книги:

«Если у нас не будет столько любви к доброму делу, чтобы уметь бороться из-за него с препятствиями, если мы не станем употреблять хотя столько постоянства и настойчивости в благих и добрых подвигах, сколько человек низкий употребляет в низких, в стремлении к своей своекорыстной и низкой цели, то где же тогда заслуга наша перед добром? И чем же мы доказали тогда нашу любовь к добру, когда из-за него не выдержали даже столько битв, сколько выдерживает гадкий человек из своей привязанности к гадкому? <…>

Я чаще знакомлюсь даже с такими людьми, от которых надеюсь получить именно черствый прием. <…> Настает наконец такое время, когда упреки, жесткие слова и даже несправедливые поступки от других становятся жизнью и потребностью душевной, и от них удивительно уясняется глаз, растет ум, силы, и, словом, растет всё в человеке. <…> Вопроси построже свою душу, не ближе ли к ней свои собственные дела и страданья, чем дела и страдания других, не боишься ли во всяком, даже великодушном деле компрометировать прежде себя, и не отказался ли ты из-за этой причины уже от многих добрых дел, полезных другим. <…>

Нет, напрасно ты думаешь, что ты знаешь людей, а я их не знаю. Ты знаешь их под светской их маской. Я очень понимаю, что на твоем месте и при твоих отношеньях с ними нельзя и узнать их иначе. Даже тот человек, который изворотливей тебя и более навыкся с людьми и более твоего одарен способностями слышать разнообразные силы и способности человека, как открытые, так и сокровенные, даже и тот по тех пор не узнает вполне человека, покуда не загорится весь любовью к человеку и покуда человек не сделается его наукою и единственным занятием, а душа человеческая единственным его помышлением. Если хотя часть такой любви поселится в душе, тогда всё простишь человеку, не оскорбишься никаким его приемом, напротив, с любопытством ожидаешь от него всего, чтобы видеть, в каком состоянии душа

[1] *Н.В. Гоголь*. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 95–97. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

его и как ему помочь потом освободиться от того, что мешает оказаться его достоинствам в истинном их свете. Даже я, получивший теперь, может быть, одну только песчинку этой любви, уже не могу теперь поссориться ни с одним человеком, как бы он несправедливо ни поступил со мною. <…>

Не мы управляем своими действиями; незримо правит ими Бог; мы только орудия Его воли, и нами же Он говорит нам, а потому не нужно пропускать ничьих слов без того, чтобы не рассмотреть, что из них нужно взять в примененье к самому себе» (XIII, 165–171).

В июне того же года в письме Гоголя Плетневу видна отчасти и горечь разочарования, и усталость, и сочувствие другу и единомышленнику. К этому времени Гоголь уже столкнулся с многочисленными негативными откликами о «Выбранных местах…». Его надежды повлиять на современное ему общество путем советов и наставлений, заключенных в книге, и приблизить его к христианскому идеалу не сбылись. Плетнев как издатель «Выбранных мест…», наверное, лучше всех понимал в этот момент настроение Гоголя и светлую печаль, заключенную в его словах:

«Хорошо бы нам хотя половиною мыслей стремиться жить в иной, обетованной истинно стране. Блажен, кто живет на этой земле, как владелец, который купил уже себе имение в другой губернии, отправил туды все свои пожитки и сундуки и сам остался налегке, готовый пуститься вслед за ними. Его не в силах смутить тогда никакая земная скорбь и огорченья от всякого мелкого дрязга жизни» (XIII, 319).

* * *

Еще одним другом Гоголя, высоко ценившим его как духовного писателя, была Александра Осиповна Смирнова (урожденная Россет). Блестящая светская дама, обладающая острым умом и тонким эстетическим вкусом, она общалась с лучшими поэтами, литераторами, художниками той эпохи, вызывая у них неизменное восхищение и поклонение. Окончив Екатерининский институт, она стала фрейлиной императрицы. Гоголя с Александрой Осиповной познакомили в 1831 году А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. При большой разнице в общественном положении в жизни Гоголя и А.О. Россет было и нечто общее, что их сближало: будучи ровесниками, они оба в детстве жили в Малороссии и любили своеобразную красоту этого края.

Со временем их знакомство переросло в многолетнюю дружбу, чему способствовали и внешние перемены в их судьбах, и развитие внутреннего мира каждого из них. В начале 1840-х годов Гоголь уже стал прославленным писателем – «главой литературы, главой поэтов» (по выражению В.Г. Белинского). В то же время его внимание всё больше занимает религия. Он читает религиозную литературу, общается со священниками и – главное – стремится воспитать в себе настоящего христианина и задумывается над тем, как повлиять на своих соотечественников – на российское общество в целом, чтобы люди жили по-христиански.

В это время Александра Осиповна, вышедшая замуж за богатого помещика Н.М. Смирнова, переживает трудный этап. После блестящей, насыщенной яркими впечатлениями молодости семейная жизнь, сложившаяся скорее по расчету, чем по любви, не могла занять всех ее мыслей и душевных сил. Это нередко приводило к приступам тоски, мрачного настроения – хандры. Ей необходимо было осмыслить свою жизнь в ином возрасте и новом положении, а для этого нужно было уже не светское, а душевное, откровенное общение.

Вот почему она с таким энтузиазмом встретила *новое направление* Гоголя – его возрастающий интерес к религии, наставительные письма с многочисленными советами о том, как жить по-христиански, и, наконец, издание «Выбранных мест…». Наряду с П.А. Плетневым она относилась к тем единицам современников Гоголя, кто полностью принял и высоко оценил эту книгу.

Для Гоголя также важно было общение со Смирновой-Россет – несколько его писем к ней, в числе прочих, были в дальнейшем положены в основу книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Вообще переписка со Смирновой-Россет особенно щедро наполнена рассуждениями на религиозно-нравственную тему, размышлениями о душе и ее пути к Богу через страдания и неустройства земной жизни.

В 1844 году Гоголь писал ей:

«Любовь Божья так безгранично безмерна к людям, что если бы мы прозревали поглубже в смысл всех совершающихся с нами событий, то, вероятно, вся жизнь наша обратилась бы в одни слезы благодарности. <…> Будьте светлы и старайтесь насильно быть светлу и веселу душой. Недавно прочел я, что, стараясь засмеяться смехом души, мы уже призываем ангела на уста наши, который помогает нам потом действительно засмеяться таким смехом. <…>

Вы способны увлекаться, это вы должны помнить беспрерывно. Берегитесь всего страстного, берегитесь даже в божественное внести что-нибудь страстное. Совершенного небесного бесстрастия требует от нас Бог и в нем только дает нам узнать Себя. <…>

Вы спрашиваете, нет ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать в одном и том же состоянии. Но вы слишком многого потребовали вдруг, самые святые люди не могли пребывать в одном и том же ровном душевном состоянии. Мне иногда помогало одно средство, которое, как я узнал, помогало и тем, которые получше меня. Средство это состоит в том, чтобы, оставя на время собственное положение и обстоятельства, как бы они тревожны ни были, заняться положеньем других, близких нам людей и именно таких, которых обстоятельства еще труднее наших и требуют большей работы ума. Обстоятельства их следует обращать на все стороны, дабы увидеть, чем мы вследствие наших к ним отношений можем быть полезны и помочь им. <…>

Когда я, бросивши свои трудные обстоятельства, принимался за таковые же другого или даже за размышление о них, душа моя приобретала покой среди беспокойства и мои собственные обстоятельства представлялись потом в яснейшем виде, и я легко находил средства чрез то помочь самому себе. Так тесно мы связаны друг с другом в этом мире! Я начинаю думать, что если и чувствуем мы тоску или глупое состояние души, то это, верно, для того, чтоб в это время вспомнить о ком-либо другом, а не о себе. Если ж тяжкое горе нам приключится или важное затруднительное обстоятельство, то помышленье в это время о горе другого не только послужит отводом горя, но даже необходимым охлаждением страстных влечений наших, без чего мы в силах наделать множество самых неразумных дел» (XII, 282–283).

В письмах Гоголя к Смирновой-Россет встречались довольно строгие наставления, как он называл их – «упреки», например, в этом письме 1844 года:

«Много есть вещей, на которые следует взглянуть гораздо пристальнее, чем мы глядим. Многие люди смело произносят: “Этого нет”, потому только, что они этого не видят. Смотрите, есть отчасти и за вами этот грех. Вы пишете мне, что “принимаете мои упреки

с удовольствием, но надобно, чтобы они были справедливы". Экая штука! это может сделать всякий сколько-нибудь умный человек, даже и не христианин.

А не угодно ли вам принять несправедливые упреки? Да притом позвольте вас спросить: что вы, разве святая? Одна святая может сказать, справедливы или несправедливы упреки. Или разве вы дошли уже до такого совершенства, что уже можете всю себя видеть, со всеми пятнышками, какие есть на душе вашей? Или зеркало вашей совести уже так стало ясно и светло, что перед ним открывается сам собой самый малейший ваш проступок? Поздравляю вас, если вы дошли до такой мудрости, что можете разрешить вдруг, не запинаясь, справедливы ли или несправедливы упреки! В таком случае научите меня тому же, потому что я всякий день отыскиваю в себе какую-нибудь новую, мною не замеченную гадость и вижу, что все почти мне сделанные упреки справедливы, не только сделанные умными людьми, но даже и те, которые сделаны людьми, на которых я и вниманья не хотел обратить прежде и которые вследствие озлобления мне их сделали.

Нет, извольте-ка принять и несправедливые упреки за справедливые, и всякий день в них всматриваться, как в зеркало, авось среди несправедливого отыщется что-нибудь и справедливое. А без этого вы во веки веков не уйдете вперед, то есть будете думать, что вы ушли вперед, а уходить будете только теоретически, а не практически» (XII, 305–306).

Одна из любимых мыслей Гоголя состояла в том, что каждый человек должен понять смысл своей жизни на том месте, где он находится. Увидеть возможность делать добрые дела и оказывать благотворное влияние на окружающих в том состоянии, в каком он сейчас оказался. Об этом он много писал в письмах к Смирновой и даже высказывал конкретные советы по поводу различных обстоятельств – как приятных, так и огорчительных. Так, в августе 1844 года, когда Александра Осиповна после долгого пребывания за границей вернулась в Петербург, Гоголь писал ей:

«Помните, что вы приехали на новую жизнь и что в душе вашей отныне да воссияет совершенное возрождение. Прежде всего встретят вас всякие слухи о вас самих. Слухи эти изрядно черны и, может быть, даже гораздо хуже тех, которые бы вы могли себе вообразить и представить; но тем не менее, как бы они несправедливы и бесстыдны ни были, примите их, как должное. Они, точно, должное, потому что за всякий проступок следует понести наказание. А наказанья еще нет в том, если другие узнают проступок наш в таком виде, как он есть. Они могут тогда почувствовать к нам даже участие и вместо того, чтобы упрекнуть нас, упрекнут, может быть, себя за свою жестокость. Где же тут наказание?

В том-то и есть наше наказание, когда наш поступок перековеркают, преувеличат, истолкуют в несколько раз хуже, чем он есть, сделают его притчею и посмешищем тех именно людей, которые сами производят в несколько раз хуже дела, и дадут право на презрительность в обращении с нами тех людей, которых мы сами презирали. В этом-то и состоит наше наказание. И глубоко милостив к нам Бог, когда посылает нам такие наказанья и попускает составляться о нас всяким слухам и сплетням. Примите их твердо и не смутитесь ничем, будьте светлы и тихи, как голубка.

Обойдитесь лучше всего с теми, которые распустили о вас злейшие слухи. Какое бы вы ни встретили выраженье на чьем бы ни было лице при встрече с вами, обойдитесь равно добродушно со всяким, точно как будто бы вы и не заметили этого выражения. Ваша собственная душа найдет тут самый верный такт, как быть вам, если только вы решитесь на самом деле приобретать истинную христианскую любовь. <...>

Лучше бранить человека за его дурные поступки с другими; но как только с этим вместе примешалось наше собственное против него неудовольствие, то мы должны в ту же минуту вспомнить, что чрез это самое уже лишаемся всякого права произнести суд о нем. Наблюдайте за собою пристально! Я потому вам об этом напоминаю, чтобы с тем вместе вам напомнить, что сердце ваше еще очень чувствительно к оскорблениям и что не преодолевая этих оскорблений, вы будете далеки от *любви*. Она загорается тогда только, когда дружишься с оскорблениями, то есть не только умеешь переносить их, но даже ищешь их. <...>

Еще скажу вам вообще, относительно всякой услуги и помощи, оказываемой ближнему. Если вам случится в жизни на кого-либо сильно подействовать, иметь какое-либо влияние, укрепить, воздвигнуть дух человека, старайтесь не о том, чтобы сделаться ему нужной и необходимой, но о том, чтобы довести его до такого состояния, чтобы он не имел в вас нужды, старайтесь возвести его к нему самому, к его собственной самостоятельности, чтобы он не на вас опирался, а на что-то *крепчайшее*. <...>

Я поступаю теперь вот как, если только замечаю, что начинаю иметь на кого-нибудь влияние и становлюсь ему чем-то *необходимым*, я спешу с ним тот же час расстаться, хотя бы это было и тяжело. Мое дело упрекнуть, или ободрить, или в нескольких словах указать ему его же данные и заключенные в нем самом матерьялы, а там – иди себе своей дорогой: Бог вразумит и поможет. Разве вновь какой-нибудь такой случай, когда человеку трудно без братской помощи управляться самому. Оттого-то я очень люблю снаряжать в дорогу и расставаться с близкими душе моей людьми в твердой уверенности, что Бог им без меня еще лучше поможет управиться, чем со мною» (XII, 336–339).

Из писем Гоголя к Смирновой видно, на каком высоком духовном уровне происходило их общение. Они хорошо знали не только внешние, бытовые обстоятельства жизни друг друга, но и внутренние «обстоятельства» – жизнь души каждого из них. Немало поучительных писем было написано Гоголем к Смирновой в конце 1844 года, вот отрывки из них:

«Человек необыкновенно изменяется с тех пор, когда начинаешь иметь на него твердое и постоянное влияние и не откажешься войти в его жизнь. Но помните раз навсегда, что человек правится и совершенствуется только на *деле* и что, если хотите, чтобы истины высокие и христианские, которые вы скажете, со временем были приняты и поселились не на шутку, то задайте ему прежде *дело*, которое бы заняло его всего. А не то это значит поехать *не по дороге*, а по рвам, по кочкам, перелогам. <…>

Если хотите кого вести, ведите его *по дороге*, да притом по той дороге, для которой даны ему уже заключенные в нем способности: это будет его *прямая дорога*, по которой он должен идти ко Христу, всякою же другою ему будет труднее и несравненно дальше. Ставши на деле, человек стоит на земле. Только на земле можно сеять семена. А если он сам на воздухе, то и семена, которые пожелаете сеять, будут бросаемы на воздух.

Итак, всякого человека, на которого вы захотели бы подействовать благодетельно, узнайте *в делах его*, возбудите в нем прежде охоту к тому делу, которое более всего по его способностям и силам, и думайте сначала только о том, чтобы он в этом деле, а не в других пустых и ежедневных делах, соображался

с законом Христа. Дело все-таки будет гораздо более наполнять его собою, чем пустяки. Стало быть, и Христос будет наполнять его понемногу гораздо более, чем всякие пустяки. <…>

Я душевно порадовался вашему благодатному состоянию души, которое к вам теперь приходит; но, друг мой, помните, что это не более, как знаки небесной милости Божией. Они даются нам вовсе не за заслуги, но единственно для того, чтобы ободрить нас на пути нашего стремленья к Нему. Это делается Им из одной только небесной любви к нам, исполненной таким великим снисхождением. И потому храни вас Бог слишком упояться такими минутами.

В такие минуты вы должны сильней чувствовать свое недостоинство и приниматься живей за труды и подвиги, чтобы быть посредством их хотя сколько-нибудь достойными такой благодати. Если ж вы почувствуете в себе поползновение этим вознестись и возгордиться, то вспомните только то, что вы завтра же можете впасть в уныние, в хандру и увидеть во всем ничтожестве свое бессилие и малодушие. Поэтому-то все минуты уныния и как бы Божьего оставления нас даются нам с неизреченно мудрым умыслом, именно для того, чтобы мы и на минуту не отдалились от Бога и чтобы узнали, как страшно быть без Него. А потому во все минуты вашего уныния и глупых состояний духа, вы записывайте такое состоянье. Пусть, как в зеркале, останется там всё малодушие и всё ваше ничтожество, так, чтобы потом, когда вы почувствуете, что слишком заноситесь минутами благоволения Божия или, лучше сказать, Его небесного снисхождения, могли бы себе же показать это зеркало и увидеть в себе всю свою презренность и подивиться в то же время всей неизмеримости и бесконечности Божией любви.

Очень может быть и даже это неминуемо должно быть, что вы будете ощущать еще высшие состояния благодати. Но и тогда храни вас Бог думать, что они вам посылаются за ваши достоинства. Старайтесь в такие минуты усилить деятельность своих подвигов и, как добрый поденщик, не оставляйте и на миг своей работы до самого захода солнца и не приклоняйте уха на то, если бы кто стал хвалить вашу работу или говорить, что вы уже сделали более, чем другие. Это один Бог может решить, кто более сделал. Тот, кто в глазах людей много сделал, может быть, еще не сделал и десятой доли того, что назначено Богом ему сделать, и он может подвергнуться строжайшему суду, чем тот, кто сделал меньше его, получив меньше и способностей. Вспомните одно то, что мы не только не употребляем в дело всех данных нам способностей, но даже и не доискиваемся, какие у нас есть способности и какие именно нам даны. Итак, всё это да предохранит вас от всякой гордости.

Не упояйтесь также удачею и успехом, но лучше при всякой неудаче представляйте себе живей свое слабосилие, как далеки вы еще в науке помогать и делать добро, как еще мало вразумлены светом Божьего разума, как еще вам доселе кажется невозможным то, что уже возможно преуспевшему в подвигах любви и благодушия. Соображая всё это и представляя это беспрестанно пред глаза свои, вы и не просите даже у Бога небесных наслаждений духа, но просите только сил быть достойным их, просите только дать возможность произвести больше подвигов и с тем вместе просите только о том, чтобы Он не награждал нас за них в этой жизни, или лучше пусть только показывает нам здесь одно слабое мерцание наград Своих, а не самые награды, потому что и малейшей части их не вынесет наше бренное тело. И недаром Давид восклицал не один раз: Боже, ослаби ми волны Твоея благодати!» (XII, 414–417).

«Очень много теперь есть истинно достойных людей, которые думают, что они христиане, но христиане только еще *в мыслях и в идеях*, но не *в жизни и не в деле*. Они не внесли еще Христа в самое сердце своей жизни, во все действия свои и поступки. Есть также и такие, которые потому только считают себя христианами, что отыскали в евангельских истинах кое-что такое, что показалось им подкрепляющим любимые их идеи» (XII, 441).

В 1845 году в судьбе Смирновой произошла существенная перемена – ее муж Н.М. Смирнов был назначен губернатором в Калугу. Это стало почвой для новых, весьма основательных размышлений Гоголя о том, как человек, занимающий довольно высокое положение в обществе, может способствовать преображению окружающей жизни, пользуясь теми большими возможностями, которые даны ему судьбой. По мысли Гоголя, такие возможности нужно обязательно использовать для изменения к лучшему, своего рода «перевоспитания» людей, находящихся рядом. Девизом его рассуждений на эту тему, наверное, можно было бы считать такую истину: кому много дано, с того много и спросится.

Логика Гоголя, писавшего душеполезные послания не только Смирновой, но и некоторым другим своим друзьям, занимавшим весьма высокое положение в обществе, заключалась в том, что он стремился своими наставлениями способствовать духовному развитию этих людей, чтобы они, в свою очередь, также благотворно воздействовали на их окружение, в том числе и на своих подчиненных. Таким образом, через человеческое, духовное общение могло бы осуществляться и возрождение России в целом. Такова была «сверхзадача» Гоголя, написавшего множество проповеднических писем своим друзьям. Хотя, конечно, в каждом из них Гоголь видел, прежде всего, близкого человека, нуждающегося в искреннем общении с ним, а потом уже – чиновника, помещика, литератора и т. п.

Вот несколько отрывков из писем 1847–1850 годов:

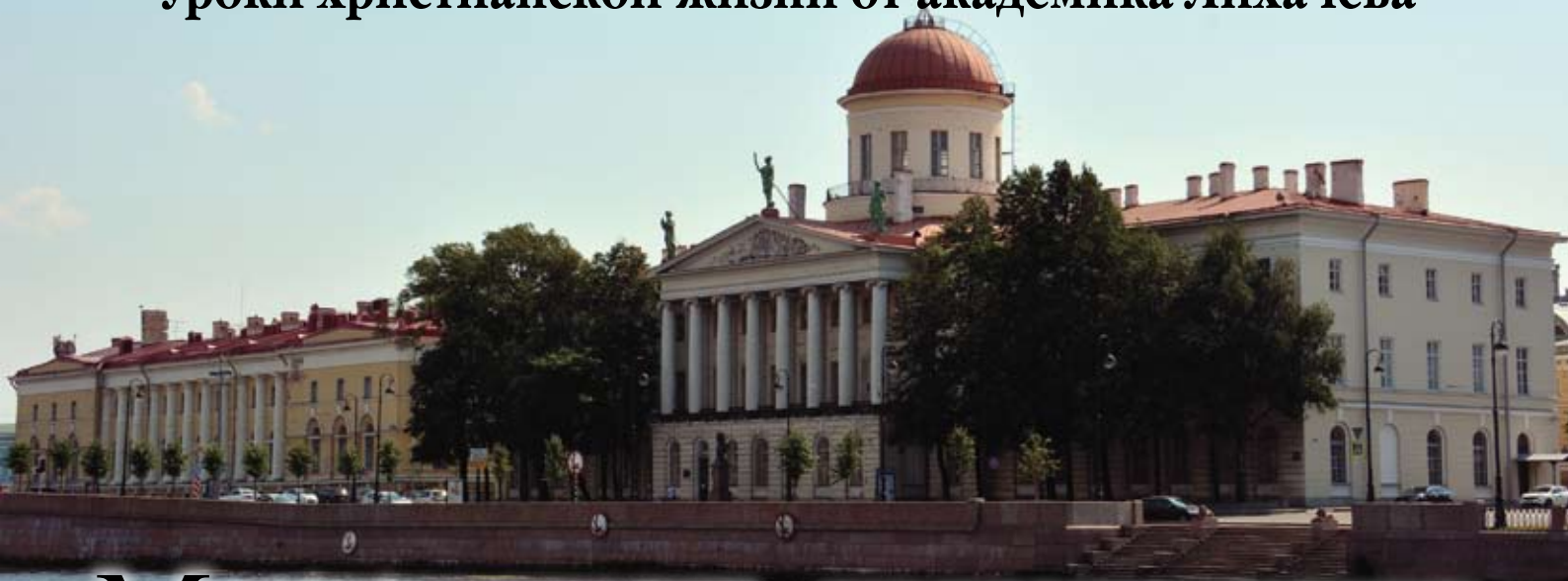
«Ваши мысли о трудности иметь какое-нибудь доброе влияние на жителей города Калуги очень основательны и разумны. Но не смущайтесь этим и вообще тем, что душа ваша остается без больших подвигов. <…> Не позабывайте, что разум наш в распоряженьи у Бога: сегодня он видит невозможности, завтра Богу угодно раздвинуть пред ним горизонт шире, и он уже видит там возможность, где встречал прежде невозможности» (XIII, 225).

«Если мне и удавалось на веку своем помочь кому-либо добрым советом в горе, так это тем, которые уже отыскали себе Высшего Советника, и мне не оставалось ничего более, как только им напомнить, к кому нужно обращаться за всеми надобностями» (XIV, 97).

«Не смущайтесь, что могут нанести вам всякие неприятности жизни! Путь наш должен быть пред Богом, а не пред людьми. Если мы чисты, если правы пред Богом, кто может из людей опорочить нас, заклеймить пятном наше имя? А скорби? Но если уже Сам Спаситель сказал, что только ими очищается душа, как же быть без них? Где же человеку показать величие души, как не в минуты невзгоды? Всюду скорби; на кого ни погляжу, всякий скорбит; я сам так скорблю, что не в силах и молиться» (XIV, 163–164).

К Смирновой же обращены и эти проникновенные слова: «Мне следует, видно, приучаться жить заочно с вашим милым образом, – тем более, что нам обоим это возможно. И вы, и я хотим жить во Христе, а живущие во Христе видятся вечно между собою» (XIII, 345).

Уроки христианской жизни от академика Лихачева

Мои младшие братья и сестры по вере часто спрашивают: может ли современный образованный, амбициозный молодой человек, считающий себя христианином, существуя в этом довольно жестком, суетном и порой безбожном мире, плодотворно заниматься своей профессией и успешно строить карьеру, не вступая в противоречие с христианскими принципами? Обычно на этот вопрос я отвечаю так: внимательно изучайте биографию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, и вы увидите, что это вполне реально! Дается это, понятно, не просто, но иначе достойной жизни не достичь.

Легендарный Пушкинский Дом – Институт русской литературы (ИРЛИ). Здесь Дмитрий Сергеевич Лихачев проработал свыше шестидесяти лет!

О своей удивительной жизни академик Лихачев вполне мог бы сказать словами выдающегося русского религиозного мыслителя Николая Александровича Бердяева: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей Родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжелое в жизни. Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть…».

Действительно, Дмитрий Сергеевич Лихачев стойко перенес каторгу в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), выжил и спас свою семью в период ленинградской блокады; в разгар атеистических веяний глубоко изучал культуру Древней Руси, спасал памятники старины, защищал людей от произвола всемогущей Системы и отважно отстаивал справедливость на всех уровнях государственной иерархии. В своих поступках он руководствовался голосом совести христианина, отстаивал правду там, где она попиралась. Источником его нравственной силы были принципы, крепко усвоенные Митей Лихачевым еще в раннем детстве.

Дмитрий Сергеевич Лихачев родился 28 (15) ноября 1906 года в семье с глубокими православными традициями. Его дед по отцовской ветви, Михаил Михайлович Лихачев, был старостой в соборе в честь иконы Божией Матери «Владимирская» в Петербурге, рядом с которым жил Федор Михайлович Достоевский. Известна история о том, как после отпевания Достоевского Михаил Михайлович уличил церковных служек в неправильном расчете с вдовой Федора Михайловича. Дед Лихачева написал ей письмо с подробным перечислением всех неправильных расценок на церковные услуги и ритуальные принадлежности. Добросовестный староста Владимирской церкви с бухгалтерской точностью до копейки высчитал сумму, которую храм был обязан вернуть вдове, что и было сделано с принесением соответствующих извинений – справедливость была восстановлена! Так что с полным на то основанием можно сказать, что принципиальность и обостренное чувство справедливости были у академика Лихачева в крови.

При внимательном изучении биографии Дмитрия Сергеевича Лихачева четко вырисовывается путь настоящего христианина, сделавшего служение людям главной миссией своей жизни. Заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39) он выполняет

Земляки считали Дмитрия Сергеевича главным человеком в городе

В такой же колонне каторжан-«антисоветчиков» будущий академик ступил на соловецкую землю

с особым усердием. Даже в аду советского концлагеря он находит практическую возможность облегчить участь несчастных узников. На Соловках он написал методическое руководство «Советы идущему по этапу», содержащее очень много ценных, спасительных для заключенного наблюдений и рекомендаций. Вот характерный пример из раздела «Мои вещи»:

«Как надо спать на нарах? Нары обычно короткие. Если вытянешься, ноги повиснут в пространстве. Проходящие заденут. Разбудят. Отделенные будят ударами палок или ремней по ногам. Поэтому ноги надо приучить держать поджатыми под себя. <…> одеяло по краям обязательно подтыкать под себя (так оно и теплее), а бушлат или шубу одевать на ноги: засовывать ноги в рукава; никогда не сползет, и тепло, а если урки станут стягивать, то разбудят. И ноги отделенные не перешибут».

Особое удивление и восхищение вызывает то, как Лихачев относился к Соловкам. В его воспоминаниях есть такие пронзительные слова: «Повели к Никольским воротам. В воротах я снял студенческую фуражку, с которой не расставался, перекрестился. До этого я никогда не видел настоящего русского монастыря. И воспринял Соловки, Кремль не как новую тюрьму, а как святое место…». Вне всяких сомнений, это слова подлинного христианина.

Дмитрий Сергеевич четко разделял два понятия – «политический режим» и «Родина». Нравственно отрицая антихристианскую бесчеловечную Систему, он верно служил Родине – как гражданин, ученый и патриот. Интересны два эпизода, относящиеся к блокадному периоду его биографии. Однажды в 1942 году Лихачева вызвали в Смольный. Там он получил «особое задание» и вместе с литератором М.А. Тихановой в невероятно тяжелых условиях написал книгу «Оборона древнерусских городов». Книга получилась замечательная – разумно патриотическая, простая, наглядная. Примеры из древней истории поднимали дух бойцов. Эту книгу, по воспоминаниям одного из современников, читали даже на героическом Ораниенбаумском пятачке, находившемся почти под непрерывным огнем фашистов. Упорный и мудрый Лихачев нашел свой уникальный путь: воспитывать патриотизм на примерах Древней Руси, не касаясь слишком «неоднозначной» современности.

Несмотря на успех патриотической книги и плодотворную научную работу даже в суровых условиях ленинградской блокады, Лихачев не выходит из поля зрения органов государственной безопасности. В том же году он был вызван в «контору», где ему весьма настойчиво было предложено стать добровольным помощником чекистов, говоря проще – стукачом. Лихачев ответил решительным отказом. Тогда ему устроили, выражаясь современным языком, «перформанс». Чекисты инсценировали арест, и солдат с винтовкой отвел Лихачева в подвал. Однако опытный узник, прошедший жестокую школу Соловков, отлично знал, что самое главное в такой ситуации – не сломаться психологически и целиком вверить себя Промыслу Божьему. И когда Дмитрия Сергеевича снова привели наверх, он вновь решительно отказался. Более того, он посмеялся над чекистами. Перед ним на стол положили какую-то бумагу:

– Распишитесь под обязательством не разглашать нашу беседу.

– Не могу этого обещать, – сказал упрямый ученый.

– Почему?

– Я разговариваю во сне, – иронично ответил Лихачев.

…С 1937 года и до конца своих дней Дмитрий Сергеевич Лихачев работал в Институте русской литературы (ИРЛИ) – легендарном Пушкинском Доме. Его величественное здание с куполом в стиле классицизма, построенное по проекту архитектора И.Ф. Лукини, расположено возле Стрелки Васильевского острова, где Нева разделяется на Большую Неву и Малую Неву. Адрес этого красивого дома – набережная Макарова, 4. Лихачев был сотрудником Сектора древнерусской литературы, который вскоре после войны он и возглавил. Позже сектор был преобразован в Отдел.

Лихачев заботился не только о процветании науки. От его внимательного ока ничто не ускользало. Однажды после заседания сектора он спросил одного из сотрудников, Гелиана Прохорова, почему у него такой изможденный вид. Вопрос, заданный тихим, интеллигентным голосом, прогремел как гром. Собиравшиеся выходить из зала коллеги вернулись. Многим было уже известно из сообщений радиостанции «Свобода» об обысках в квартире и на даче Прохорова. Причиной обысков были отношения Гелиана Михайловича с «антисоветским» писателем Александром Исаевичем Солженицыным. На конференции в Софии Прохоров познакомился с эмигрантом, сыном офицера Семеновского полка, который попросил передать Солженицыну мемуары своего отца «Моя служба в старой гвардии». Как раз в это время на западе вышла его книга «Август Четырнадцатого», где Солженицын писал, что нуждается

в мемуарах о предреволюционной России. Гелиан Михайлович согласился и, вернувшись в СССР, через знакомых передал книгу Александру Исаевичу. Сыну мемуариста он отправил открытку, в которой сообщил, что «книга на месте». За эту открытку и зацепились бдительные органы.

Чекисты прислали в Пушкинский Дом письмо, где вина Прохорова объявлялась доказанной. Они гневно и с нажимом требовали читать это письмо во всех отделах Института русской литературы, чтобы и другим было страшно. Госбезопасность также добивалась, чтобы, как в «славные тридцатые», коллектив обратился к властям с требованием о лишении Прохорова советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. Конечно, времена были уже не те, когда «единодушно» требовали расстрела «врагам народа», но, скажем, за отъезд дочери за границу могли «по требованию коллектива» лишить степени и уволить.

В Пушкинском Доме вариант чекистов не прошел. Гелиан Прохоров в своих воспоминаниях пишет: «И мои сотрудники во главе с председательствовавшим директором, мало мне даже знакомым, Василием Григорьевичем Базановым, и двумя академиками в зале: Михаилом Павловичем Алексеевым и Дмитрием Сергеевичем Лихачевым – сделать это не согласились. Только стукач-завхоз и чекист-пожарник изо всех сил, но без успеха старались помочь представителям двух ветвей, росших из одного корня…».

Спустя год после этих событий Прохоров был снова вызван в питерский офис КГБ (так называемый Большой дом) на Литейном проспекте, где его измором заставили подписать бумагу о том, что он получил предупреждение о его деятельности, граничащей с преступлением. Когда измученный многочасовой «беседой» Прохоров подписал предупреждение, следователи возликовали: «Теперь мы с вами увидимся уже в другой обстановке!».

Дальше события, по воспоминаниям Прохорова, опубликованным в сборнике «Дмитрий Лихачев и его эпоха» (составитель сборника Е.Г. Водолазкин), развивались следующим образом: «Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев был вызван в Смольный, в обком партии (хотя всегда был беспартийным), к всесильному секретарю обкома Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, не знаю, но Романов согласился прекратить преследование меня… И свое обещание Романов выполнил.

Такой, непарадный город куда ближе сердцу коренного питерца, чем роскошные, издали узнаваемые открыточные виды. Как и его робкие, неяркие краски

Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие фарами ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы прекратились, слежка тоже – или пошли по другому режиму… Но главное – я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым».

О человеколюбии Лихачева и трепетном его отношении к своим подчиненным очень тонко и глубоко высказался в своих воспоминаниях Евгений Водолазкин, хорошо знавший Дмитрия Сергеевича и много работавший с академиком: «Семейное отношение было перенесено Лихачевым на Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома… В нем, как в любой семье, бывали свои радости и неприятности, и это была его семья. Роль его, как своего рода pater familie, выражалась уже хотя бы в том, что в секторе давно уже не было ни одного сотрудника, которого бы он не пригласил на работу лично… Одному из наших сотрудников Лихачев однажды сказал: “Вы не понимаете, что живете на острове”. Это был действительно остров, куда можно было причалить и работать, не обращая внимания на бушующие стихии…».

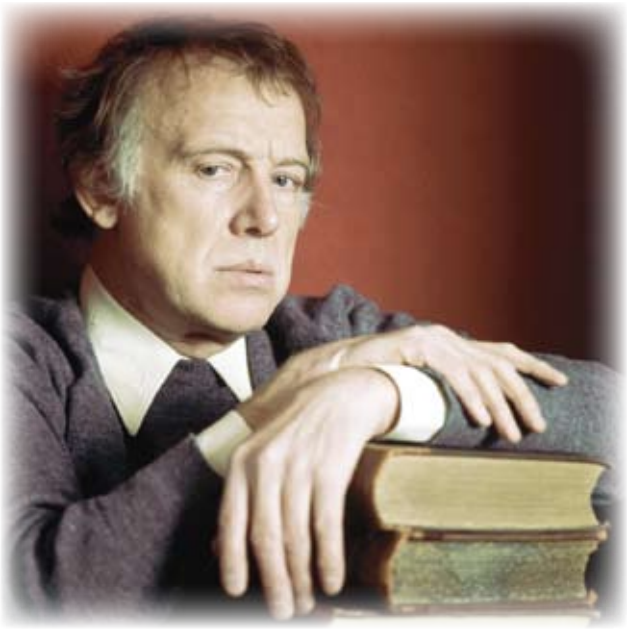
О христианской основе внутреннего мира Лихачева, о его нравственном Символе веры лучше всего говорят слова самого Дмитрия Сергеевича в одной из его статей, посвященных преподобному Андрею Рублеву: «Эпоха Рублева была эпохой возрождения веры в человека, в его нравственные силы, в его способность к самопожертвованию во имя высоких идеалов… Идеалы, воплощенные в творчестве Рублева, столь высоки, что они были бы чудом, если бы не представляли собой некоего отражения того, что можно было бы наблюсти в действительности. А в действительности были не только примеры подлости, раболепства и предательства, но и беззаветного служения людям, отечеству, идеалам добра и красоты, создавшим чувство собственного достоинства и спокойной уверенности в будущем…».

Так что достойно жить по христианским принципам можно в любую эпоху, и порука тому жизнь самого Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Вадим Рутковский

Наталия Прохорова

Береженый Богом

На выходе из метро «Кузнецкий мост» в погожие дни работает книжный развал. Мало того, что чего там только не встретишь, – и цены такие, каких тоже больше не встретишь нигде. Например, воспоминания Иннокентия Смоктуновского «Быть!» продавались за… 100 рублей. Держишь в руках – компактно уместившаяся человеческая жизнь, да какая! Что же там, под обложкой? Что вмещают в себя эти четыре буквы с восклицательным знаком – «Быть!»?

После товстоноговского князя Мышкина в тогда еще ленинградском Большом драматическом он проснулся не просто знаменитым, как любили писать критики. Мировая культура открыла нового гения. И каждая следующая работа Смоктуновского подтверждала это открытие. Он мог быть и принцем Датским, и царем Федором Иоанновичем, и скромным страховым агентом Юрием Деточкиным. «Рожу я могу скорчить любую. Какая вам нужна?» – шутил сам Иннокентий Михайлович.

Насчет «рожи» артист, понятное дело, пококетничал. Не зря же он и книгу о своей жизни назвал «Быть!». То есть быть, а не казаться. Надо ли говорить, что для него, как для любого большого художника, главным было добиваться не внешнего сходства, а внутренней идентичности со своим героем.

А ведь это «быть» несет в себе еще и гамлетовское начало, его великое «Быть или не быть? Вот в чем вопрос». Возьму на себя смелость заглянуть за кулисы признанного смысла. Не скрывается ли за ним идея Божественного Откровения? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:1). Не оттуда ли это «быть» у Иннокентия Смоктуновского, как, возможно, и у Вильяма Шекспира? Не оттуда ли и антитеза – «не быть», что значит не быть с Богом. Иннокентий Михайлович выбрал *быть*, и это не просто слова. Он прожил жизнь православным человеком, хотя в советское время это не афишировал и редко затрагивал религиозную тему.

При всей несхожести путей, ведущих человека к вере, есть между ними и немало общего. Особенно если оно, это общее, берет начало из отчего дома. Жизнь Иннокентия Михайловича не была в этом смысле исключением. Он родился в крестьянской верующей семье. В своих интервью часто вспоминал, что в доме висели иконы, а на праздники перед ними зажигались лампадки.

До войны я жил у тетки, мне было 14 лет, в какой-то праздник она дала мне тридцать рублей: «Пойди в церковь, отдай на храм». Тридцать рублей! Я помню, они были такие длинные, красненькие. Я не знал тогда, что существовали тридцать сребреников, и тетка, хотя и верующая, этого не знала, Библию тогда нельзя было держать, за это карали. А мороженое, которое я так любил, стоило двадцать копеек. На эти деньги года полтора можно есть мороженое! Нет, не отдам я тридцать рублей каким-то тетям и дядям в храме. И с зажатым кулаком я оказался около церкви. Зашел внутрь, там было так красиво, я стоял весь разомлевший, а потом легко подошел к служителю и сказал: «Возьмите на храм, возьмите, пожалуйста».

После этого, признавался Иннокентий Михайлович, он испытал чувство необычайной свободы, ему стало так хорошо, было ощущение, что он, маленький еще человечек, исполнил какой-то огромный долг.

Именно тогда Кеша Смоктунович (такой поначалу была их семейная фамилия) стал уже всерьез задумываться о вере. С этими мыслями он встретил Великую Отечественную. И всю войну он твердо верил, больше того – знал (!), что Господь его хранит. И потому даже в самых жарких, самых губительных атаках он не испытывал страха. Он не сомневался, что пуля не возьмет его, что он храним. Это очень существенно для любой жизни: смелость, отвага и прочие ценные качества души – не твоя личная заслуга. Их дает тебе вера в Бога, в то, что Он не оставит тебя. Рождается эта уверенность у кого как. Что до Иннокентия Михайловича, он был абсолютно убежден в том, что, если бы он присвоил тогда ту тридцатку, войну бы не прошел.

На фронт совсем юный тогда Иннокентий Михайлович попал в августе 1943 года. Был ранен, оказался в плену, бежал. Ему суждено было пережить сущий ад. Как-то недалеко от Варшавы батальон, где находился в то время будущий актер, выполнял ночное боевое задание. Битва была страшной, из 120–130 человек в живых осталось девять. А совсем целых из них – вовсе четверо. Среди них и Смоктуновский.

В своей книге артист делится размышлениями об этой роковой битве:

Судьба! Что ты такое – судьба?! Что, уже каждому раз и навсегда предопределено – как, что, где, когда??? В живых после той ночи осталось девять человек; не задетых, не раненых – и того меньше, единицы. Я – один из них. Однако я не делал ничего такого, что не делали бы все остальные: здесь упасть, отползти, пригнуться, встать за укрытие, переждать секунду артналет лежа на дне воронки, нырнуть в канаву от летящей сверху бомбы – в общем, я делал

«Гамлет»

«В четверг и больше никогда»

все то, что делали все, каждый вокруг нормальный солдат, боец, человек…

Скажу больше – в силу юношеской бесшабашности, беспечности, легкомыслия или порою просто лени я и к обычным мерам предосторожности не прибегал – но ведь цел, тогда как порою справа, слева, близко, просто рядом бывало совсем другое. Так что же это? Случайность? Везение? Прослеживая жизнь, иногда кажется: я «специально» (правда, это совсем не то слово) оставлялся какой-то силой, или, если угодно, «Кем-то», для того, чтобы в будущем создать моего Мышкина, Гамлета, Моисея Моисеевича в «Степи» Чехова, Циолковского, Царя Федора, Войницкого в «Дяде Ване» и еще два – два с половиной десятка неплохих работ. Стоит представить: что бы было с этими персонажами, не будь в них моей жертвенной сути, природы, самозабвения и исповедальности. Очевидно, не следует вопрошать прошедшее; происходящее сейчас – настоящее – убедительно и горько вопиет: «Что получается с этими высокими эталонами человечности, когда за них берется несостоятельность!». Конечно, я упрощаю, но кто знает, может быть, для этого кто-то упорно и неуклонно ведет меня на этой земле по жизни, по работам, по людям. Оберегает, ограждает, бросает в омуты и круговерти, сводит с подлецами и монстрами, с ничтожествами, с грязными и низкими людишками, ведет, испытывает, ужесточает, черствит, но подсовывает соломку, чтобы смягчить, облегчить падение, удары.

С войны Смоктуновский вернулся двойным победителем: победителем врага человечества фашизма и победителем врага рода человеческого – диавола. Он вернулся с верой в Бога. Именно тогда он едва ли не впервые задумался над тем, что выбранная им профессия – не просто работа, пусть и любимая: «Нужно не играть, а быть, жить в образе, а для этого нужно познать себя, свой внутренний мир. Нужно в каждом характере познавать самого себя».

Вспомним, например, «Маленькие трагедии» Пушкина. Сальери пытается отравить Моцарта: талант не может смириться с гениальностью. Что это, как не библейские Каин с Авелем? Именно так всё и понимает великий актер, это он и проецирует на публику, находясь в роли Сальери в одной из экранизаций. Перед тем как отравить Моцарта, он произносит монолог, отражающий весь трагизм этого персонажа. Но что интересно: Сальери-то, в сущности, не такой уж мерзкий человек. Он талантлив, посвятил свою жизнь музыке и создал неплохие произведения. Равно как и Каин, который тоже был хорошим тружеником. И вдруг – Моцарт, выскочка! «Я всю жизнь отдал, – говорит Сальери, – всю жизнь, всё бросил к ногам музыки». А Каин сказал бы: «Я все отдал земле, весь пот и кровь, с утра до вечера ничего не видел, а этот мальчишка овец пасет. Да никого он не пасет, они сами пасутся! Собаку к ним приставил, лежит на дудочке играет. И вот он принес свою овечку, которая вообще без его участия выросла, в жертву Богу, а я не спал, недоедал, чтобы принести мои овощи, фрукты!».

Те же эмоции, что овладели библейским Каином, бурлили в тот момент и в душе Сальери, когда он видел Моцарта. На самом деле это вымышленная история – Пушкин ее придумал, в реальности Сальери Моцарта не убивал. Александр Сергеевич просто взял эти близкие своему поколению образы, чтобы читателю было понятно, как то же самое происходило на заре человечества: как первый брат убил второго. И Смоктуновский это все глубоко понимает.

К слову сказать, Иннокентий Михайлович читает Пушкина так, как не услышишь ни от кого другого. Слушаешь – и живешь услышанным. Особенно если это духовные стихи. Пушкинская духовная поэзия – это библейские тексты в чистом виде, облаченные в слова и образы, которые равно понятны как современникам поэта, так и нам, сегодняшним. И Смоктуновский читает их именно так, как Александр Сергеевич и задумал.

Артист признавался:

Пушкин для меня – загадка, тайна, именуемая простым и, к сожалению, довольно часто теперь эксплуатируемым словом «талант». Люблю его поэзию, прозу, исторические изыскания, критические статьи, но много больше восхищен им самим – человеком, личностью, характером его. Должно быть, только спецификой моей работы (искать в каждом проявлении жизни, творчества, горения первородность, реактор всех этих непростых начал – человека) можно несколько оправдать

мой столь, безусловно, спорный и в чем-то парадоксальный подход к самому Пушкину и его вдохновенному труду.

Как видим, по его собственному признанию, для Смоктуновского каждый его герой – это прежде всего человек – носитель образа Божиего. Он может быть плохим, хорошим, но образ этот все равно в нем остается. Особенно это заметно на такой роли, как Иудушка Головлев. Да, Иудушка, персонаж отрицательный, но, чуть перефразируя Евангелие: кто из нас без греха, пусть первый бросит в него камень.

Когда этот спектакль шел в театре, Смоктуновский любил иногда выглядывать из гримерки, чтобы понаблюдать за спешащими на представление зрителями. В их глазах он читал желание – посмотреть на злодея. И это помогало ему в познании самого себя, а через себя – и характера Иудушки. Актер понимал, что и в нем, и во всех нас, в его зрителях, есть что-то от Головлева. Поэтому, когда он выходил на сцену, он так играл Иудушку, словно тот разговаривал с каждым из присутствующих: «Не осуждай меня, что я такой плохой. Ты сам стань хорошим, стань человеком, и тогда увидишь и во мне образ Божий». И это очень близко подходит к евангельскому: блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Только чистое, безгрешное сердце способно увидеть даже в самом отъявленном негодяе Божественные черты. Такой силы было воздействие на зрительскую аудиторию. Ведь святых людей нет, князей Мышкиных среди нас нет. «Есть люди, человеки, и они все, – цитирует Смоктуновский в одном из своих интервью Астрова из чеховского “Дяди Вани”, – такие маленькие-маленькие, такие букашечки-таракашечки. Вот в этом все мы».

Точно так же играл Смоктуновский и Гамлета, и Чайковского, так он воплотил Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» и все свои прочие многочисленные роли. В 1965 году вышел фильм «На одной планете», где Иннокентию Михайловичу пришлось изображать Ленина.

Надо сказать, что в партии Смоктуновский не был, но роль вождя революции ему все-таки доверили. Правда, потом некоторые советские критики писали, что образ получился неудачным. А все потому, что актер не стремился играть предводителя мирового пролетариата, он показал прежде всего конкретную личность – Владимира Ульянова (Ленина), который в определенный момент своей жизни сожалел о сделанном. Ничто человеческое не чуждо даже Ленину, и он способен на сострадание. Вот что говорит сам артист в книге «Быть!» о том, как пришел к мысли о самопознании:

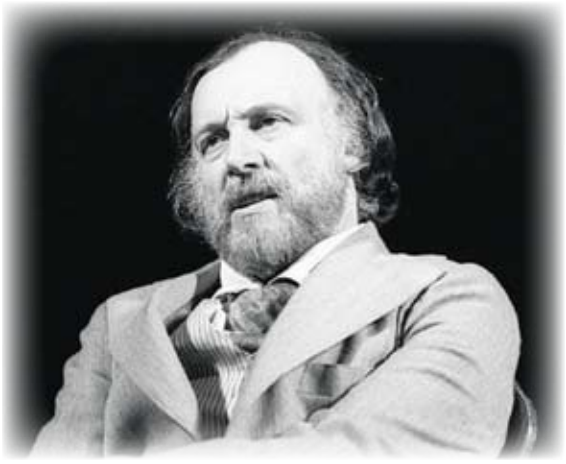
Я ушел. Надо было что-то менять, и менять основательно, конструктивно, но что именно и как – придумать не мог. Кара, должно быть, действовала, а может быть, многомесячное хождение по театрам Москвы сказалось, голова была вялой, инертной… В общем, чувствовал я себя, прямо скажем, не шибко. А здесь еще моя дурацкая взбалмошность. Вдруг ни с того ни с сего вздумал худеть. Мода, видите ли. Но здесь я не совсем искренен, признаюсь. Было иначе. Кто-то сказал, не помню: «Познай себя – и обретешь мир». Хоть и не совсем представлял себе, что я буду делать и как подобраться к такой громоздкой недвижимости, как вселенная, все равно это показалось мне заманчивым: мало ли – обретешь мир. И я решил начать с покоя в себе, а через это приручать уже и все остальное, то есть всю нашу планету. Я пришел к этой мысли исподволь… Истина через познание самого себя, через самоограничение завладела мной целиком, просто поглотила меня.

Бесспорно, Смоктуновский был ни на кого не похожим артистом. К сожалению, некоторые и сегодня скептически относятся к его таланту, считая Иннокентия Михайловича чуть ли не сумасшедшим. Им можно только посочувствовать. Между тем тысячи и тысячи душ слетались на Смоктуновского, как мотыльки к лампочке, чтобы хлебнуть его света и человечности. Иннокентий Смоктуновский сумел выразить свой личный драматический опыт через искусство. Его образы не имеют дна. В нем действительно была Божия искра, таких актеров, таких творцов на сцене у нас – примерно как поэтов уровня Пушкина.

Этот человек много пережил не только на фронте, но и в мирное время. После войны ему, как и многим другим, сумевшим сбежать из плена, предъявили обвинение в неблагонадежности и навесили ярлык «минус 39» (запрет на проживание в 39 городах страны). Это был удар, так как он искренне не понимал, в чем его вина. Он очень любил свою Родину, честно защищал ее и боялся, что если его отправят в лагерь, то ощущение несправедливости заставит

«Цезарь и Клеопатра»

«Иванов»

«Двадцать дней без войны»

«Берегись автомобиля!»

его совершить смертный грех. Помня о Боге, Смоктуновский сам напросился в ссылку в Норильск, где и стал подрабатывать в театре, состоявшем преимущественно из заключенных.

Рискну предположить, что, возможно, именно там, среди вечной зимы, ему впервые стали приходить мысли о бессмертии и о том, что жить нужно сегодняшним днем, ибо завтра может вообще не наступить. Хотя выскажет он их значительно позже:

Было просто. Совсем не загадывалось ничего, не думалось о близком завтра, и поэтому бессмертие, должно быть, о котором ну напрочь не вспоминалось, было рядом, под боком, и при желании его, наверное, можно было потрогать, прикоснуться руками, не подозревая, однако, значимости минуты и того, к чему ты только что мог быть причастен. И уж совсем не ведая, что и сам становишься частичкой бытия вечного, непреходящего. Дело только за догадливостью, за сообразительностью. Но каждый уже однажды был запущен и проносился по своей крошечной орбите сутолоки и забот дня; не то очередь приобщиться к этой редкой возможности была куда большей, чем на выставку Тутанхамона или на мимолетное свидание с Моной Лизой, привезенной в Москву на две недели из Парижа.

Невзгоды не искалечили его душу, не озлобили ее, не замкнули в себе. Напротив, через глубину своих образов Иннокентий Михайлович доносил до нас эту добрую весть – через всё можно пройти, всё можно вынести и остаться при этом человеком добрым, красивым, милосердным. Не падайте духом! Он целому поколению задал планку духовной высоты, к которой должен тянуться человек. Для нас, его сегодняшних почитателей, так же как и для зрителей – его современников, он был палочкой-выручалочкой, соломинкой, за которую можно схватиться, чтобы оставаться духовно живыми и не превратиться в животное. Он писал:

Когда вдруг на улице, у выхода из театра или у подъезда моего дома меня перехватывают взволнованные юноши, девушки; когда я читаю полные тревоги письма с просьбой о совете, как попасть на сцену, стать артистом, я могу только сказать, что сам я проник сквозь жестокое горнило непонимания и выстоял потому только, что шел, зная, чего я хотел и что мог. И единственным «багажом» на этом прекрасном и тяжелом пути к самому себе были Вера, Надежда, Любовь.

Если к этому и можно что-то добавить, то только – что любовь из этих трех добродетелей бóльшая (апостол Павел).

К концу жизни Смоктуновский уже в открытую исповедовал Христа. Он был прихожанином московского подворья Валаамского монастыря. За несколько месяцев до смерти к нему пришла делегация с просьбой подписать петицию театральных деятелей Президенту РФ в защиту Студенческого театра и против открытия храма. Мнения деятелей кино и телевидения тогда разделились. Одна часть не задумываясь подписала петицию. Другая, напротив, составила собственное письмо в защиту храма. Иннокентия Михайловича пытались перехитрить. Ему показали только текст самой петиции, в которой утверждалось, что «восстановление церкви именно в этом здании не обусловлено исторической необходимостью», так как это уже третье местоположение Татьянинского храма. Между тем «исторический дом» на ул. Герцена – «святыня театрального искусства нашей страны», а Студенческий театр МГУ – «трибуна, с которой студенты Университета выступали в защиту демократии и прогресса».

Смоктуновский, даже не подозревая, что есть еще письмо сторонников храма, высказался сурово и мужественно:

– Скажите, – спросил он, – какую я сделал в своей жизни подлость и чем дал вам повод подумать, что я подпишу письмо против Церкви?

Завершить рассказ об этом необыкновенном человеке я хочу его же словами, прозвучавшими в одном из интервью:

Я, может, и жив только потому, что верую в Господа. Я через все тяготы войны прошел, когда со мной только смерти не было, она просто случайно мимо прошла. Он, наверное, берег меня для каких-то маленьких моих свершений – Мышкина, Гамлета, Чайковского, Деточкина, царя Федора...

Александр Шпагин

Бог в советском Эммаусе

Новый год мы начинаем новым, как теперь модно говорить, сезоном, тем более что речь идет о кино. Продолжаем цикл очерков известного критика о «важнейшем из искусств» советской эпохи – об удачных и не очень, и совсем неудачных попытках художников (режиссеров, сценаристов, актеров) доискаться Истины в своем безбожном мире, что еще раз доказывает: человеку без веры никак нельзя.

Прежние публикации можно найти с 1 по 5 номера «Лампады» за 1918 год.

В начале 70-х режиссером Б. Степановым был снят фильм под названием «Облака». Его печальное, поэтичное и настраивающее на меланхолически-элегический лад название намекает на экзистенциальность и метафизичность – как и соответствующая музыка О. Каравайчука, звучащая в фильме, – ну как же тут без него, главного композитора всех подобных лент? В 60-е годы, наверно, это именно и была бы такая картина – как «Крылья», как «Долгая счастливая жизнь», как «Короткие встречи», «Июльский дождь», «Никогда» и все такое прочее. Общность названий, как видите, налицо – сплошное *никогда* нависает над подобным пространством, и в нем слышатся уже нотки подлинного трагизма. Герои этих лент обречены двигаться по сплошной горизонтали, напоминающей или долгий путь баржи в финале «Долгой счастливой жизни», или бесконечные геологические походы, в которые постоянно уходит герой Высоцкого из «Коротких встреч», – уходит в поисках фантома свободы, эскапирует, но без какой-либо внятной цели и без какого-либо внятного духовного результата – просто по инерции. А взмоешь в эти небеса, как героиня «Крыльев», так, похоже, уже оттуда и не вернешься – там великая *пустота*, там некий *иной свет*, а точнее – чистое небытие…

Вот и герой начала 70-х из фильма «Облака» в финале взмывает в небеса – да, похоже, и навсегда. Похоже, назад уже не возвращается.

Впрочем, именно что похоже. А сюжет тут такой. Жил да был некий парень, и он очень хотел стать летчиком. А в летное училище его не брали по здоровью. И вот он тренируется, тренируется, а его не берут и не берут. Тогда на каком-то сельском аэродромчике он, не умея водить самолет, садится в оный, взлетает и – разбивается. Конец фильма. Фильм посмотрели на худсоветах и видят, что получилась какая-то нелепость: хороший парень добивался своей цели, а как, считай, добился, так сразу и погиб. Тогда, может, и добиваться было не нужно? Да и вообще, в чем его, бедного-несчастного, вина? За что его авторы так наказали-то? Хороший же парень-то… В общем, получилась просто нелепость.

Режиссеру было предписано переделать финал. Теперь завершение фильма обретает какие-то натужно-метафизические черты. Итак, герой взмывает на своем самолетике, а дальше мы видим, как в какой-то темной-темной черноте тренируются какие-то люди в летных костюмах, среди них мы узнаем и нашего парня. А потом просто небо, небо, облака, облака – и Каравайчук за кадром жарит… В общем, понимайте как хотите. Вроде как, типа, значит, герой таки обретает счастье в летном училище. Правда, оно больше напоминает какой-то ад… В нормальном бы фильме «сбычу мечт» так бы не показали – там бы герой просто пришел, подал документы, был принят и, счастливый, с вожделенным документом в руках смотрел бы ясным взором в будущее небо, где скоро ему предстоит летать и совершать подвиги.

Но нет – тут фильм тщится быть некой метафизической притчей. Но именно тщится. Тщится и тащится в ее сторону. А ничего не происходит. Получается примитивная советская конструкция под названием «бедил, бедил и победил». Хочется сказать: ну добился – молодец – дальше-то что?

И таких фильмов было пруд пруди – как правило, серых и вялых, ибо для того, чтобы сия конструкция сработала, герой должен проходить такой драматичный крестный путь, который был на экране как бы и запрещен – если только перед нами не Революция и не Война. Какой драматизм-то особый может быть, если мы живем в прекрасной,

«Облака»

«Кремлевские куранты»

отличной советской стране? Посему обычно в подобном «жанре» получалась постная серятина. Надо сказать, в американском кино, где сия конструкция «бедил, бедил и победил» тоже весьма часто используется, тоже никаких особых удач не наблюдалось, но там хоть энергетика преодоления какая-то на экране возникала, там герой хоть мучительно доказывал, что он истинный американец, подтверждал в своих терниях национальную самоидентификацию – достаточно вспомнить, например, «Рожденный 4 июля» О. Стоуна – хотя и сей фильм тоже крайне посредственный. Да и у нас в 30–40-е герой, добиваясь цели, идентификацию подтверждал – только не национальную, а советскую, – оттого хоть пафос какой возникал, и на том спасибо – как в «Повести о настоящем человеке». Хотя все равно художественный результат на экране был далек от совершенства – уж больно пуста и непритязательна сама конструкция. А уж как был испорчен сверхсчастливым слащавым финалом «Председатель» А. Салтыкова, об этом в те годы не писал только ленивый.

И авторы «Облаков» всё это понимали, и посему их куда-то ввысь тянуло, в горние дали, в метафизику. Счастливого финала не желали. Сделали трагический – получилась бессмыслица. Тогда сделали невнятный. М-да. Получилось еще хуже. Получилась просто муть какая-то – то ли погиб, то ли не погиб… До того хоть мало-мальский, жутко натужный, но хоть какой-то смысл проявлялся, и несколько «антисоветсковатый»: некуда у нас стремиться, сиди на своем шестке, парень, живи в своем поселке, не станешь ты летчиком, нет у тебя крыльев, полный тебе кирдык. (Правда, сразу хотелось спросить: Господи, да почему же собственно так-то уж?). В итоговом виде финал просто дикий – в соцреалистическом фильме вдруг проявилось нечто таинственно-вымороченное и попросту дикое. Может, уж лучше бы он просто взлетал и улетал… Ладно, так хоть органичнее как-то, что ли… Но в таком случае получался бы какой-то оборвыш…

В том-то и дело. Как ни крути, куда ни плюнь, результат один – соцреалистические сюжеты потеряли присущий им в тоталитарное время пафос, а никакой метафизичности, сколь бы авторы ни старались, обрести они не могут по определению.

Однако экран 70-х оными конструкциями просто переполнен. А фильмы-то еще в большинстве своем черно-белые – это они на 60-е намекают, с шестидесятничеством расставаться не хотят. Власти требуют делать режиссерам цветное кино, а те «не хочут» – цепляются за свой ушедший призрак *утерянного рая*, как летучие мыши за дерево. А дерево уже мертвое и сухое. Не растет оно ввысь, сдохло.

А как хочется, чтоб росло! Вот заказывают режиссеру А. Мишурину фильм про Надю Курченко – была такая в начале 70-х стюардесса, что жизнью своей заплатила за попытку задержать террористов в самолете. Об ее подвиге долго трубили во всех СМИ, а школьники постоянно писали сочинения – даже мы в школе, в 1983-м о Наде сочинение сочиняли – откуда я, собственно, о ней и знаю.

Режиссер Мишурин, наверно, понимал, что ничего особо художественно путного из такого сюжета не вытянешь, если только не рассказать о нем средствами приключенческого кино. Но такое, во-первых, у нас мало кто умел снимать (и уж точно не Мишурин), а во-вторых, ну это как бы кощунство получалось – как же можно о подвиге «экшн» создавать, сиречь «попсу»? Нет, вы нам давайте вторую «Зою», второго «Рядового Александра Матросова»! Ведь это ж вроде как классика. И неважно, что первая из этих лент была полуудачей, а вторая и вовсе провалилась – неважно – теперь вышеупомянутые фильмы пребывают в пантеоне великих, как и почти всё сталинское кино – ведь оно создавалось в эпоху титанов!

Вот на это кино, на его сюжеты и ориентируется из последних сил кинематограф начала 70-х. Получается мегасерятина, как раз и составляющая 90 процентов кинопроцесса этого унылого и постного времени. К 1973 году она начинает так зашкаливать, что уже сами киновласти бьют тревогу – критикам предписано разобраться, что вообще происходит и сколько же еще потоки жидкого и дурно пахнущего состава будут заливать отечественные экраны – в конце концов, и зрители уже воют, письма пишут: «Хватит такое снимать!..». То есть кино теряет уже саму свою природу – как природу зрелища, так и природу искусства. Неудивительно, что в 1972-м на полный артхаус «Солярис»

«Крылья»

«Если хочешь быть счастливым»

А. Тарковского стоят огромные очереди и он подолгу идет в самых главных кинотеатрах страны, как то: «Октябрь» и «Россия». «Солярис» прекрасен, но одним им сыт не будешь.

Надо что-то делать. А что делать? С экзистенциальным кино боролись, боролись и доборолись – после обструкции, устроенной «Долгим проводам», с последующим увольнением К. Муратовой из режиссеров, снимать в таком «упадническом стиле» больше никому не хочется. Национальные условные притчи тоже под запретом. Если их и можно пробить, так только в виде копродукции, как «Наперекор всему» Ю. Ильенко, а без нее всех *теней забытых предков* просят убраться в тот прамир, откуда они и повылезали. Снимать фантастику как метафизику, памятуя о «Солярисе»? – жутко сложно и дорого – вон запустился Г. Чухрай с притчеобразным мюзиклом «Аэлита» (а хорошая намечалась затея!), да тут же и был свернут – не хватило финансов.

Ну и куда, в какую сторону художникам податься? Причем, ладно там истинные художники – типа Тарковского – если им дать спокойно и без простоев снимать, они свою нишу найдут и что-то мощное в любой ситуации заделают. А как быть простым, нормальным художникам – не ремесленникам? Им же какой-никакой фундамент нужен, база какая-то внутренняя нужна – тогда и попрет кинематограф, как это было в те же 60-е. Тогда и возникнет зримый уровень постановки – нестыдный, в котором есть пространство, движение, воздух, состояние, образность… Ну а как иначе-то? – ведь это же Кино!

Но в серых и посконных сценариях, запущенных в производство, ничем таким и не пахло. Что ж – «одухотворим» их, «накрутим» их. Подпустим, например, пафоса. Вспомним опять-таки 30-е годы – ведь был же он, был – куда подевался-то?

И вот режиссер Мишурин снимает фильм о Наде Курченко. Называется он несколько странно – «Абитуриентка» (почему, скажем, не «Стюардесса», непонятно). Постановщик решает снимать притчу, но на «довженковских (во всех смыслах) котурнах», чрезвычайно присущих той студии, где автор работает. Под избыточно разливанную музыку П. Майбороды перед нами предстает некое село. Но не просто село, а цветущий сад, который постоянно возделывает некий Учитель. Видимо, это Бог. Но, конечно, советского розлива. Одну из своих учениц, самую любимую, ту самую Надю (в фильме она Галя) он благословляет в большую жизнь и с грустью в глазах провожает. В городе она сразу попадает в лапы сестры нашего «Бога» – но павшей – она вся черная и ходит в черном. Видимо, это демон – точнее, демоница. На экзамене в литературный институт она Надю зарубает. Зарубает, зная, что она прислана братом, которого с его Учением (не очень ясно, каким) она ненавидит. Дальше сия черная сестра будет Гале гадить на каждом шагу, пока той не надоест и она в качестве стюардессы не взмоет в небо. Но тут сразу находится и дьявол – это главный террорист. Он подчеркнуто хромает. Сходство с метафизическими образами подчеркивается тем, что все герои не разговаривают, а вещают – как и в фильмах основоположника подобного кино А. Довженко. Галя тем временем приезжает в родное село-сад и ходит по нему исключительно в летной форме, то есть не снимая своих «ангельских крыльев», ибо она является очевидным ангелом (но опять-таки советским). Дьявол уже в аэропорту перед злосчастным рейсом присматривается к ней и, похоже, решает изничтожить. В бессильной злобе на род человеческий. Это намерение ему удается осуществить – Галя погибает от его выстрелов. Тут музыка в своем советском пафосе начинает захлебываться, а камера снова возвращается к небесам и цветущему сельскому саду.

А фильм окончательно превращается в самопародию, производя, несмотря на весь свой трагизм, весьма комическое впечатление. Ибо метафизические оболочки никак не лезут на абсолютно плоских и преследующих (согласно сюжету) предельно земные цели героев. У них нет никакого притчевого бэкграунда – более того, они абсолютно пусты. А на пустоту никакая притча налезть не может, тем более что фильм и не преследует ни малейших бытийных смыслов.

Хотя нет: ну как же? – сказали бы авторы, – а подвиг – чем вам не метафизика? Но, во-первых, в фильме он почти случаен (Галя просто закрывала в самолете дверь, куда пытался ворваться террорист), но это даже ладно. Самое главное – простенькая и абсолютно обычная Галя вообще не выдерживает того горнего груза, который фильм на нее навешивает, – у нее нет даже никаких ярких индивидуаль-

«Долгая счастливая жизнь» *«Любовь Яровая»*

ных черт, не говоря уж о каком-либо серьезном и глубоком мировоззрении. Но интересно, что их и не может быть – ибо фильм не предполагает никакой сложности – она бы убила пафос, на который заточены авторы, разрушила бы картину *идеального жития* бедной Гали.

Зоя-то хоть и, кстати, Павел Корчагин действительно превращались в советских святых, ибо конвертировали свою жизнь в аскезу, лишенную личного бытования, и полностью себя подчиняли идее и борьбе. Посему их судьбам пафос не помеха. В «Абитуриентке» же перед нами – мучительное превращение серого советско-идеологического сюжета в религиозный. Мучительное еще и потому, что для этих персонажей религиозное мышление глубоко чуждо, они никак не сопрягают свою жизнь с Богом и не поверяют ее Им – они просто живут, иногда для оживляжа попадая в легкие и незначительные (да, пожалуй, тут даже и мешающие) фабульные коллизии (чаще всего – нравоучительно-мелодраматические).

Это вам и не доктор Калинникова из фильма В. Титова (о котором я писал в прошлой статье), у той вся жизнь – принесение себя на алтарь своего дела. Дела, которое превращается в служение, в духовный подвиг. Более того – в героине есть и воистину какая-то иная, потусторонняя сила, связанная с чем-то большим, с чем-то высшим (неслучайно же она одной энергией слова, взгляда может поставить на ноги безногого – и именно словами «Встань и иди» – и он идет, ибо болезнь его была не физиологического свойства, а психопатологического, и Калинникова это мгновенно разгадала).

А эти-то что? Эти-то что из себя представляют? Да хоть тот же Учитель – ну возделывает он свой сад и возделывает – Богом он от этого не становится, сколь бы того авторы ни желали. Ибо выдает своим ученикам не парадоксальные афоризмы, в коих импульс к постижению, а банальные советские догмы. И не размышляет с ними, не споры ведет, а только вещает, и вещает весьма уныло.

Насквозь совковых муравьев авторы пытаются обрядить в костюмы слонов. Но получается даже хуже – на мертвых зомби цепляют нимбы. Совсем это как-то нехорошо, дорогие товарищи.

Но авторы уже продвинулись в своем познании мира, они уже чего-то поднахватались, да и с Библией наверняка ознакомились. Никакого подлинно религиозного мировоззрения у них однако не сложилось, но они обезьянничают.

Может, просто учатся? Да нет. Слишком уж уверены они в своей духовной значимости, а потому и счастливы, как Буратино: теперь у них в руках золотой метафизический ключик. Только что и зачем им открывать, они понятия не имеют. Достаточно одного ключика.

Вы думаете, почему я так подробно на этой несчастной «Абитуриентке» останавливаюсь? А уж больно характерная карикатура на все духовные поиски начала 70-х, слишком уж ярко выраженная. Это их кривое зеркало, и это их, увы, чрезвычайно точное отражение. Ибо сами поиски кривы, сами поиски ложны. Не в ту сторону их повело. От некой безысходности, конечно. От глобальной разочарованности.

К слову, в начале 70-х юбилей Ленина и 55 лет ВОСРе. Ну, в смысле Великой Октябрьской Социалистической Революции. Режиссерам – и в первую очередь мосфильмовцам – предписано понаделать экранизаций самых лучших и типа великих советских пьес о столь значимом событии. Понаделали. Вышли «Любовь Яровая» (с Чурсиной), «Кремлевские куранты», «Разлом». У «Разлома» на экране дюже религиозное название (тоже знак времени) – «И был вечер, и было утро» (большинству советских зрителей название было, конечно же, непонятно, но Бог с ними – мы тут художники, мы покруче вас и кое-какой грамоте обучились – запомним, кстати, этот момент!). Все фильмы оказались серыми и бездарными (хоть снимали их и далеко не последние режиссеры), а «Яровая» вообще обрела черты каких-то «Неуловимых мстителей», героической комедии с переодеваниями, нелепого фарса, который авторы снимали на полном серьезе. Все схватились за головы: как же так?! Да вот так. Не работают после 60-х годов те советские идеологические смыслы, прошла их пора. Даже после «В огне брода нет» и «Служили два товарища» уже страна изменилась – она стала больше понимать. Соцреалистический дискурс закончился, всё в самой своей сути изменилось, а по экрану по-прежнему бродит вялый призрак кондового соцреализма, и другой «национальной идеи» (а точнее, идеи художественно-структурной) не существует.

И пока все ее ищут, следуют провалы за провалами. Экранизации совет-

«Как закалялась сталь» *«Солярис»*

ской классики провалились, житийная и вполне выразительная (но сдувающаяся к финалу) интерпретация Н. Мащенко романа «Как закалялась сталь», как сейчас помню, вызвала просто ненависть – народ повыключал телевизоры (особенно на мрачной, нарочито тягостной, мучительной, тяжелейшей серии про Боярку): лучше ничего не смотреть, чем такое, решил народ. А один из фильмов про Ленина – масштабный, дорогостоящий – «Поезд в завтрашний день» и вовсе не вышел на экран – по причине своей кошмарности. Зато возникла огромная волна анекдотов про Ленина.

Советский бог № 1 рухнул. Полный крах.

Но надо же что-то делать! Нельзя же жить без надежды! Значит, надо доказать, что она есть и что жизнь отнюдь не сера, а в общем-то, даже и прекрасна. И ряд крупных режиссеров, настроенных на еще какую художественность, берут огромную дуду и начинают в нее дуть. Дуть что-то хоральное и безусловно метафизическое.

После грустного, даже, может, слишком упаднического фильма о послевоенной деревне «Пришел солдат с фронта» (там все только и делают, что мучаются, страдают, погибают и слепнут – и, в общем, непонятно, за что же их всех, болезных, так авторы наказывают, люди ведь все ж родную землю после войны восстанавливают, а значит, наоборот, силу обретают, крепость! – то есть картина жизни, как ни странно, получилась на удивление необъективная – но с интонацией!) Николай Губенко решает снять сагу о правильном советском образе жизни под названием «Если хочешь быть счастливым». На помощь, естественно, приходит главный советский миф его величества подвига.

«Если хочешь быть счастливым» – это сеанс заклания, заклинания. Заклинают тут, по всей видимости, дьявола. Дьявола сомнения, что поселился в душах. Заклинают истовой верой. Верой в советский миф. «Да, – говорят авторы, – Мы живем в идеальном мире, в лучшем, в лучшем, в лучшем из миров, у нас идеалы есть! Есть! И будут! И потому наш мир лучший!». Ну, интонацию фильма вы поняли. Хорал, молитва, а где-то и мольба. Ибо та самая вера явно уходит.

В «Советском экране» крутой репортаж о съемках – а по тем временам даже и крутейший. Ибо кадры перед нами аховые – тут землетрясение, там пожар, тут кого-то спасают, здесь какие-то обгоревшие люди, а здесь вот счастливая советская семья бежит по березовому лесу. Береза белая, семья тоже вся в белом – хорошо!

То есть задолго до американских фильмов-катастроф (сейчас было бы – незадолго: разница 3–4 года, а тогда еще ого как задолго! И кинематограф иначе развивался – несравнимо быстрее, и вообще другой отсчет времени был) и уж тем более задолго до «Экипажа» у нас готовится какая-то мегасага о прекрасной советской семье, регулярно существующей в режиме подвига и, следовательно, счастья. Муж-вертолетчик, значит, спасает всех людей на континентах, а жена занимается воспитанием его детей – и это *наше всё навсегда*!

И начинается фильм лихо – бежит горящий главный герой по аэродрому – живой пламень. Бежит, бежит, и непонятно, чего на землю-то не упадет, почему огонь не собьет – ведь так и сгорит, но кадр обрывается, и идут титры. А дальше начинается что-то невразумительное – какие-то отдельные кадрики жизни каких-то малопонятных людей. Пожаров и наводнений тоже не будет, а если и будут, то в виде крошечных отрывочных сцен – ни масштаба, ни размаха, ни зрелища. Только интонация пафоса. Натужного, но по-своему выразительного. Из-за чего фильм смотрится. Но впечатление оставляет дикое – что это вообще было?

Скорее всего, у авторов случилась беда. Наверняка часть материала – причем, самого острого и зрелищного – оказалась в браке, и потому из остатков был слеплен не «блокбастер», а «неведома зверушка», идущая 1 час 05 минут. Видимо, учитывая сложившиеся обстоятельства, фильм было предписано не рецензировать, а на экран выпустить лишь номинально, для проформы. То есть фильм сгорел, как, видимо, и его герой в начале оного, не успев добежать до финиша. Посему, может, бегущий герой в начале был некой печальной режиссерской метафорой? – ибо уж больно странное начало… Не знаю.

Ясно одно: небеса не дали авторам внятно помолиться, не дали обрести им свой советский молельный дом, где бы они могли отправлять свои культы во славу Родины и Идеологии до бесконечности. Сей дом, увы, оказался вавилонской башней и развалился.

(Окончание очерка в следующем номере)

«И был вечер, и было утро...» *«Абитуриентка»* *«Пришел солдат с фронта»*

Ким Смирнов

Из личного дневника

Подвиг Веры

Отец, профессор Сорбонны, дал ей русское имя Вера. Вся ее трагическая и прекрасная жизнь была примером служения своему призванию, имя чему – Подвиг Веры.

31 января 2008 г. Четверг

Вечер в Домжуре. Прекрасно играл Франка Дмитрий Аблогин, десятиклассник Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, победитель юношеского конкурса на первом Международном конкурсе пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко.

Был полон света этот вечер,
И этот дом, и этот зал.
Зовя в заоблачную вечность,
Нам Франка юноша играл.
Касался сердца каждый звук,
И мир преображали гаммы
И строили воздушный замок
Хоралов призрачных и фуг.
И сам он понимал едва ли,
Как свет из музыки возник.
И в черном зеркале рояля
Души отобразился лик.

1 июня 2012 г. Пятница

Впервые я узнал о ней в декабре 1965 года. Был день выборов, каких – уже и не помню. Все мы в тогдашней «Комсомольской правде» несли общественную нагрузку агитаторов, но прежде чем отправиться на избирательный участок, заглянули к себе на шестой этаж за свежим газетным номером. Раскрыли. А там – очерк Симы Соловейчика (он тогда придумал для себя никакими штатными расписаниями не предусмотренную роль блуждающего временного разъездного собкора по Алтаю и Южной Сибири) «Пианистка». Прочли. И тут же кинулись на почту давать Симе телеграмму: «Спасибо за “Пианистку”!». А вскоре – благодаря Симе конечно – мы слушали ее игру вживую, в Белом зале «Комсомолки». Пианистку звали Вера Лотар-Шевченко.

И вот сейчас, чуть ли не полвека спустя, этот давний очерк стал украшением только что вышедшей в свет книги «Умри или Будь! Вспоминая Веру Лотар-Шевченко». Первое, что в ней поражает: сколько воистину замечательных людей – великих и не великих – пересеклись с ее жизненным путем, с ее судьбой; сколько знаковых зарубок сделали в этой судьбе и наша отечественная, и всемирная история.

Отец – француз Огюст Лотар – профессор физики в Сорбонне, между прочим влюбленный во все русское, – не случайно детям своим он дал имена Дмитрий и Вера. Мать – испанка – преподаватель литературы в той же Сорбонне. Вилла на средиземноморском берегу, в Ницце, – там проходит детство. Парижская консерватория. Окончила ее в 16 лет с золотой медалью. Учитель – блистательный пианист и педагог Альфред Корно. С 12 лет персональные публичные концерты. Да какие! Четырнадцатилетней девочкой она уже солирует в Ла Скала с оркестром под управлением Артуро Тосканини, гастролирует по всему миру. Ее игрой заинтересовывается Ромен Роллан.

А потом – новая школа. Теперь в Вене. Как бунт против предопределенной ей роли музыкального вундеркинда. Как поиск своего лица, своего почерка в прочтении Бетховена и Шопена, Дебюсси и Равеля. И новые гастроли по всему миру, новая волна славы теперь уже своеобычного, не похожего на других Мастера.

И – резкий поворот в биографии. Любовь. Она становится женой эмигранта из России Владимира Шевченко, талантливого инженера-акустика, создававшего прекрасные смычковые инструменты и прослывшего в Париже «русским Страдивари». Его мечта – вернуться на родину – осуществляется. Вместе с молодой женой он переезжает из Парижа в Ленинград. В самый разгар репрессий. Попадает под их каток. Вера, со всей пылкостью своих французских и испанских генов, бросается на защиту любимого человека, доказывая следователям НКВД, что никакой он не фашистский агент, что это они действуют фашистскими методами. И – естественно – сама становится узницей ГУЛАГа на долгие восемь лет, в которые внешними обстоятельствами было сделано, казалось бы, все, чтобы задушить

в ней и ее человеческое достоинство, и ее талант. Но, мысленно проигрывая по ночам свои программы, деревенеющими пальцами нажимая на нарисованные на дощатой поверхности клавиши, она делала все, чтобы сохранить этот талант. И человеческое достоинство.

Характерный эпизод. Жившая после освобождения в Нижнем Тагиле Вера Лотар-Шевченко давала первый концерт в Свердловской филармонии. В комнату, где она готовилась к выступлению, заглянула ведущая. Окинула ее недоверчивым взглядом. Когда она ушла, Вера Августовна сказала: «Она думает, я из Тагила, она забыла, что я из Парижа».

И, слава Богу, после освобождения рядом оказалось немало людей, поддержавших ее сопротивление обстоятельствам. И директор музыкальной школы в Нижнем Тагиле Мария Машкова. И сотрудница музыкальной редакции Курганского ТВ Наталья Круглова. И сестры Ангелина и Татьяна Гуськовы – отсюда, между прочим, ниточка к Булату Окуджаве, помянувшему в романе «Упраздненный театр» Гелю Гуськову, с которой учился в одном классе, – позднее она стала крупнейшим специалистом по лучевой болезни.

И встреча в Нижнем Тагиле с начинающим режиссером Владимиром Мотылем – потом в кинематографическом образе Полины Гёбль в его знаменитом фильме о декабристах и их женах «Звезда пленительного счастья» будет угадываться реальная судьба Веры Лотар-Шевченко. И в Анни Жирардо она будет угадываться. Во включенных в книгу мемуарах Владимира Мотыля есть такие строки: «Вспоминаю фильм “Руфь” только в связи с тем, что Анни Жирардо, которая играла главную роль (прообраз ее героини – Лотар-Шевченко), точно выбрана режиссером по типу женщины. Вера Лотар, ее манера разговаривать, ее физическая стать, внешность в чем-то перекликались с внешностью актрисы».

И авторитетное слово в защиту выдающейся пианистки профессора двух самых престижных наших консерваторий – Московской и Ленинградской – Марии Юдиной как раз в тот момент, когда она в такой поддержке особо нуждалась, когда, уже после ее возвращения в лучшие концертные залы Советского Союза, ее необычная, энергичная манера исполнения подвергалась нападкам консервативно настроенных критиков.

И, наконец, ее последняя гавань, где она обрела наконец достойные ее таланта, личности, судьбы всеобщее внимание, уважение, любовь, – Новосибирский академгородок в лучшие, лаврентьевские, его времена. Дружба с его «фамышатами» (ребятами из физико-математической школы при НГУ). Кстати, сам академик Лаврентьев любителем музыки не был. Но рядом нашлось немало замечательных людей – и академики Будкер, Воеводский, и член-корреспондент Ляпунов, и профессор Новосибирского университета Тимофеев, и многие, многие другие, – убедивших его подписать приглашение Вере Августовне переехать в академгородок и распоряжение выделить ей двухкомнатную квартиру.

Не случайно в свое время она решительно отвергла приглашение вернуться во Францию, каким-то седьмым чувством предвидя этот, сибирский венец своей жизни. «Да воздастся!..». Буквальная же мотивировка отказа была другая: не могу предать тех русских женщин, с которыми вместе сидела в лагере. Но когда ее хоронили, гроб был укрыт трехцветным французским флагом.

Почти четверть века спустя, когда в 2006 году в Новосибирске проходил первый Международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко, сын Симы Соловейчика Артем, главный редактор основанной отцом газеты «Первое сентября», установил новое надгробие над ее могилой. Там – врезанные в белый мрамор ее слова: «Жизнь, в которой есть Бах, благословенна».

Да, великое множество людей оставило след в ее судьбе (как и она оставила незабываемый след в их судьбах). Но все же, если мы сегодня можем говорить об объемном, трехмерном образе этой великой женщины мира сего, то это заслуга прежде всего трех известных журналистов и писателей. Симона Соловейчика с его теперь уже легендарной «Пианисткой». Дмитрия Шеварова с очерком о ней в его книге «Добрые лица». И Юрия Да-

Узники ГУЛАГа. Среди своих

нилина, дружившего с Верой Августовной в бытность свою собкором «Комсомолки» по Западной Сибири. Как ни хороши сами по себе воспоминания об этой дружбе, перенесенные в «Умри или Будь!» из его книги «Портреты по памяти», но главное: он – тот человек, который сделал память о великой пианистке живой, став инициатором и организатором международных конкурсов ее имени.

Они уже популярны и в России, и за ее рубежами, открыли немало новых исполнительских имен. Особенно большие надежды я связываю с Филиппом Копачевским и Дмитрием Аблогиным. Бога молю, чтобы не сбило их с пути истинного служения наше жестокое время с его всепоглощающей диктатурой «модуса обладания» и внешнего успеха. Верю, что не позволит им сбиться с пути не святой – вполне земной образ замечательной женщины, давшей имя конкурсу, где они стали первыми лауреатами.

К этим трем измерениям вышедшая книга прибавляет четвертое – ну, словно бы четвертую координату времени в эйнштейновской физической картине мира. Это впервые собранные под одной обложкой личные впечатления знавших ее людей. И читателю дается право овеществить, наполнить реальным содержанием это измерение по собственному разумению. Или это потрясающий пример преодоления нечеловеческих мук и препятствий ради сохранения человеческого в человеке. Или – профессиональный подвиг: подъем со дна пропасти, откуда в принципе не поднимаются, до мировых эверестов исполнительского мастерства. Впрочем, может быть, это одно и то же и нет никакого «или – или»…

Невольно возникает вопрос: а не оказывает ли необычная судьба Веры Лотар-Шевченко гипнотизирующего влияния на высокую оценку ее как пианистки? Но ведь ее концертные программы потрясли и Соловейчика, и Данилина, людей с чутким, профессионально поставленным восприятием музыки, когда они ничего еще не знали об этой судьбе.

С. Соловейчик: *Афиша: в Доме политпросвещения сегодня концерт солистки Алтайской филармонии… В программе – Сезар Франк, Равель и двадцать четыре прелюдии Клода Дебюсси. Трудная, редкая программа… Редчайшая. Я подивился мужеству Алтайской филармонии – кому из пианистов под силу такой концерт? – купил билет и с любопытством стал ждать вечера.* <…>

Ее музыкальная пауза длилась восемь лагерных лет

Три раза в жизни испытал я фантастическое ощущение, будто я впервые слышу фортепьянную музыку, а все, что было до того, – не музыка. Первый раз – на концерте Святослава Рихтера. Второй раз – когда услышал запись бетховенской «Авроры» в исполнении Артура Шнабеля. И третий раз – здесь, в Барнауле. <…>

Я не знал в тот вечер – конечно, невежество! – что судьба привела меня на концерт пианистки, чьей игрой наслаждался весь мир – Париж, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Гавана, Вена, Рим, Берлин, Брюссель...

Ю. Данилин: *...Я впервые услышал ее 23 февраля в жуткую вьюгу в командировке – податься некуда – в провинциальном городке. Уткнулся в афишу, обещавшую си-минорную сонату Листа, а кроме того, все прелюды Шопена. В обычном рядовом концерте у черта на куличках. Ну, думаю, исполнительница – весьма самонадеянная особа, у филармонии есть все шансы оконфузиться.* <…>

И вот она выходит на сцену. <…> *Еще мгновение – и я не помню себя до конца этого удивительного концерта. Музыка обрушилась на нас, как стихия.*

В заголовок книги вынесен девиз Бетховена: «Умри или Будь!» Это и ее девиз. И он вполне согласуется с емким словом-ключом ко всей ее жизни: ПРЕОДОЛЕНИЕ. Именно так, кстати, назывался показанный в те же 60-е годы в Голубом зале «Комсомолки» спектакль-пантомима о Микеланджело тоже открытого и поддержанного газетой замечательного ИАЭ-театра – по месту рождения при клубе Института атомной энергии, впоследствии – Московского ансамбля пластической драмы (его создателем, художественным руководителем, режиссером был Гендрюс Мацкявичюс).

Ромен Роллан, который когда-то восхитился тем, как трактовала девочка Вера Лотар Бетховена, писал о Микеланджело: *Великие души – как высокие вершины. Ветер их овевает, облака их обволакивают, но там дышится лучше и глубже, чем в других местах. Воздух там обладает чистотой, которая смывает с сердца все пятна: и когда тучи расходятся, видишь сверху весь человеческий род… Я не утверждаю, что большинство людей может жить на этих вершинах. Но пусть раз в год они восходят туда в паломничество… Там они возобновят дыхание своих легких и кровь своих вен. Там, на высоте, они почувствуют себя более близкими к вечности. Затем они снова спустятся на жизненную равнину, с сердцем, закаленным для каждодневных битв…*

Это, по-моему, не только о том, зачем нам сегодня нужен Микеланджело. Это и о том, зачем нам нужна великая пианистка Вера Кармен Аделаида Лотар-Шевченко (таково ее полное имя). И она сама, с ее трагической, мятежной судьбой. И конкурсы в ее память.

15 октября 2012 г. Понедельник

В прошлый четверг в музее-квартире А. Гольденвейзера, что на Тверской, прошел очередной музыкальный вечер. Он был посвящен Вере Лотар-Шевченко. Кроме выступления Дмитрия Аблогина, игравшего Баха и Шопена (он теперь дважды победитель конкурсов памяти Лотар-Шевченко – и юношеского, и взрослого), и, как всегда, увлекательно-остроумных воспоминаний Ю. Данили-

на о дружбе с Верой Августовной, случилась там еще и сенсация.

Презентовались на вечере одновременно книга «Умри или Будь!» и диск с записью концерта Лотар-Шевченко 1956 года (24 этюда Шопена) в Большом зале Уральской консерватории имени Мусоргского сразу после ее освобождения из лагеря. Сенсация в том, что до этого считалось: ни одной записи ее игры не сохранилось. Все, что было в музыкальных архивах, размагничено нашими постперестроечными рыночно-креативными культуртрегерами.

И тут один из тех, кто был на том давнем концерте, вспомнил, что, вроде бы, видел тогда рядом со сценой громоздкий магнитофон. Удалось разыскать ту запись. И – не перевелись на Руси чудо-мастера! – восстановить ее. Теперь она – единственная в мире.

И когда ее включили в маленьком зале мемориальной квартиры Гольденвейзера, впечатление было потрясающее. Нет, не то слово. Волшебное! Впору было поверить в реинкарнацию душ. Я вдруг ощутил то потрясение, которое случилось много лет назад со скромными педагогами музыкальной школы в Нижнем Тагиле, когда к ним с улицы пришла бедно одетая, только что вышедшая из заключения, со скрюченными подневольной работой пальцами, постаревшая женщина и попросила разрешения сесть за рояль. Они великодушно разрешили, ожидая чего-то дилетантски беспомощного.

И вдруг, после первых же звуков, – как фаворское озарение! – поняли: перед ними великая музыка и великая пианистка. Всё это есть в возрожденной записи, слава Богу, не размагниченной в наши жестокие времена, когда слишком многое размагничивается и в веками складывавшейся культуре, и вообще – в окрестной жизни.

25 марта 2015 г. Среда

У конкурса памяти Веры Лотар-Шевченко есть уже свои традиции. Одна из них: по объявлении новых лауреатов давать концерт в лучших залах сначала Парижа, потом Москвы. Парижский концерт после последнего, пятого, конкурса уже прошел. И вот сегодня – выступление лауреатов в российской столице. В Большом театре, в его Бетховенском зале.

Общее впечатление: какие это все чертовски талантливые мальчики и девочки! И следом другое, не менее сильное, фантасмагорическое какое-то ощущение: они ведь безраздельно, без остатка, безвозмездно берут твою бессмертную душу в полон, и ты сам, добровольно идешь в это рабство.

В нездешнем мире музыка живет.
Как все вокруг она преображает,
Как семь цветов из тишины рождает,
Взяв в основанье семь звучащих нот!
Сквозь сретенья, открытия, утраты
Под пальцами как бьется пульс судьбы!
Как будто за роялем – император,
А мы – его безвестные рабы.

Благо бы человеком за роялем был Святослав Рихтер. Или Генрих Нейгауз. Тогда добровольное «рабство» вполне объяснимо. А тут – действительно мальчики и девочки, не прошедшие еще и толики тех жизненных испытаний, которые уже намертво укоренились в судьбах многих из нас. Так откуда им сие?

Но все же, все же, все же… это наваждение происходит. И значит – «Здравствуй, племя младое, незнакомое…». Дай Бог тебе дойти до вершины, не растратив по пути дар Божий – талант на суету сует, на погоню за рыночной успешностью (к сожалению, даже на классической музыкальной стезе это тоже не редкость), превращающую сами наши благие порывы в обессмысленный сизифов труд. Может быть, это и дает человеку за роялем (за мольбертом, письменным столом, дирижерским пультом и т. д.) известность, материальное благополучие, но лишает его права быть «вечности заложником у времени в плену», лишает магической власти над душами современников. И, к великой печали, случается это гораздо чаще, чем хотелось бы.

Что это? Опять Фроммова притча о борьбе модуса бытия и модуса обладания и в истории людских сообществ, и в душе каждого отдельно взятого человека? Да нет. Это просто нашенская, историей нашей культуры, нашей интеллигенции порожденная и поляризованная беда. Или болезнь, если хотите.

И вот смотрю сегодня на этих ребят, таких молодых, таких целеустремленных (ну никак не хочется употреблять модное ныне – из рыночного словаря – креативных). И да, молю Бога: даруй им, нет, не талант, этим сокровищем Ты уже одарил их сполна, а как можно более раннее прозрение насчет того, какую цену потребует от них жизнь за верность своему таланту. И дай силы, волю, стойкость, мужество, наконец, сохранить эту верность на всю жизнь.

3 мая 2015 г. Воскресенье

Просматриваю уже более чем месячной давности свою запись о концерте в Большом и думаю: не пытаюсь ли я взвалить на плечи нескольких талантливых молодых людей, просто, безо всяких нравственных сверхзадач, подаривших мне отраду свидания с великой музыкой, слишком тяжкий, не адекватный конкретному событию груз?

Они, эти ребята, мне радостно и бескорыстно дарят общение с Бетховеном, Листом, Чайковским, Скрябиным, Рахманиновым, Стравинским, а я им в ответ сурово и назидательно читаю мораль – о том, как им жить дальше, каким идеалам служить, от каких радостей жизни аскетически отказываться?

Может быть. И все-таки мне кажется: сама природа этого конкурса, выделяющегося среди других именно более тесными нравственными связями с личностью человека, которому он посвящен, позволяет, оттолкнувшись от концерта в Большом, вести разговор именно в таком ключе.

В студенческие годы у меня было одно, как теперь сказали бы, хобби. Я с увлечением посещал курсовые и дипломные спектакли в театральных училищах, выставки – отчеты о летних практиках в Суриковском и Строгановке, студенческие концерты в Консерватории и Гнесинке. Мне хотелось видеть в этих, тоже очень талантливых, тоже поцелованных Богом в темечко моих сверстниках завтрашних великих актеров и режиссеров, художников, пианистов и певцов. Да, кое-кого из них знают сегодня и Россия, и даже весь мир. Но их гораздо меньше, чем мне когда-то грезилось.

В моей коллекции личных воспоминаний есть ставший потом визитной карточкой любимовской Таганки еще студийный, студенческий «Добрый человек из Сезуана». И совсем еще юные Катя Максимова (танец феи Драже и фрагмент из «Жизели») и Рудольф Нуреев (танец из «Корсара») в концерте выпускников хореографических училищ. Правда, последнее – не вживую, а в документальном фильме «Душой исполненный полет», но впечатление было незабываемое. Как незабываем был Володя Ивашов в его дипломном фильме «Эй, кто-нибудь!» по Сарояну.

Перед этим у него была роль, вошедшая во все киноэнциклопедии, – Алеша Скворцов в «Балладе о солдате». Но по ее поводу у меня поначалу были сомнения: чего тут больше – самого актера или работы с ним великого (это я понимал уже тогда) режиссера Григория Чухрая. После этой, студенческой, дипломной работы всякие сомнения разом отпали.

В ней неотразимо очевидны были и недюжинный актерский талант, и – главное – несгибаемый личностный нравственный стержень. Таким он и остался до конца. Умирал он фактически в бедности. Но принципам нравственной опрятности, порядочности не изменил до последнего дыхания.

У Леонида Филатова в его документальном телесериале «Чтобы помнили», в фильме, посвященном Ивашову, есть такая кинодеталь. Ивашов вручает Григорию Чухраю «Нику». Полагалось это делать в смокинге, которого у него не было. Но, по словам его жены, все были в смокингах, а он один в костюме, но было такое впечатление, что все в телогрейках, а он один в смокинге. Не от тех ли слов такое впечатление, которые он тогда произнес: *Премия, которую получил сегодня этот человек, называется «Честь и достоинство». Подумайте, каждый ли из вас имеет право сказать два слова: «Честь имею»? Не надо совершать в жизни подвиги. Надо не совершать подлости в жизни.*

Да, такие вот примеры согревают душу. Но они не дают повода тешить ее мелким, тщеславным: мол, это ведь я когда-то «предсказал» им, делающим первые шаги в искусстве, подъем на его семитысячники и восьмитысячники, сумел сквозь предстоящие десятилетия разглядеть их там, вдали, на вершинах. Ибо, по наивной вере в самодостаточность дарованного Богом таланта, я тогда, в юности, щедро предполагал в обозримом будущем увидеть там, на вершинах, десятки, даже сотни приглянувшихся мне бесспорно талантливых людей. А реально поднялись туда лишь единицы.

Лауреаты Конкурса Елена Нефёдова, Михаил Турпанов и Дмитрий Аблогин

Ну а у нынешних участников конкурса памяти Веры Лотар-Шевченко – что у них там, впереди? Наученный многолетним опытом неоправданно оптимистических прогнозов, предсказывать нынче ничего не берусь. Но бесспорно: в помощь им одна отличительная черта самого конкурса. Он, осененный именем необыкновенно талантливого и необыкновенно мужественного человека, дарит своим участникам – и тем, кому уже достались лавры лауреатов, и тем, кого сия растительность пока миновала, – урок на будущее. Урок Преодоления. Урок того, что если уж тебе дарован талант от Бога, то на тебя возложены и весомые вериги, вынуждающие очень многим жертвовать ради трудного счастья вести ежедневный диалог – от сердца к сердцу – с творцами великой музыки и ради не менее трудного счастья вести такой же диалог – от сердца к сердцу, через великую музыку – со своими современниками, живущими уже в ином, чем Вера Лотар-Шевченко, уже в XXI веке.

Но и в этом веке ее жизнь, ее судьба останутся востребованными в мире людей. Да, согласен: не надо преднамеренно совершать в жизни подвиги – надо не совершать в ней подлости. Но при этом все же надо всегда отдавать должное и той инвариантной, постоянной единице измерения человеческой порядочности, следования своему призванию, имя которой в данном конкретном случае Подвиг Веры.

31 августа 2018 г. Пятница

В Екатеринбурге стартовал VII Международный конкурс пианистов памяти Веры Лотар-Шевченко. Каждый раз конкурс открывает новые молодые имена, и сия участь непременно ждет кого-то из нынешних участников. А их сегодня более сорока – из России, Англии, Франции, Швейцарии, Польши, Китая, других стран.

При открытии было оглашено приветствие Григория Соколова (одно из самых ярких имен в созвездии ныне живущих и концертирующих выдающихся пианистов):

Имя Веры Лотар-Шевченко превращает обычное мероприятие, коим является любой конкурс, в культурное событие. Трагическая судьба. Противостояние личности и тысячи винтиков – преступников и коллаборационистов, так и не названных поименно. Человек – и окружающая его вакханалия подлости.

Я приветствую всех почтивших своим участием память Лотар-Шевченко и желаю, чтобы все стали победителями конкурса на звание человека – жестокого испытания длиною в жизнь.

14 сентября 2018 г. Пятница

Последний день конкурса памяти Веры Лотар-Шевченко. Уже известны лауреаты.

Главный приз завоевал студент Московской консерватории Артур Ворожцов, родом из Новосибирска.

В молодежном конкурсе первой премии удостоены Павел Войцеховский (Польша, Варшава, ученик 3 курса Музыкальной школы им. Зенона Бржевского) и Даниил Немов (ученик 9 класса ЦМШ при Московской консерватории).

Вторая премия у Льва Давыдова (г. Бузулук Оренбургской области, ученик 8 класса детской музыкальной школы № 1 им. Ф.И. Шаляпина Бузулукского музыкального колледжа) и Матвея Шумкова (Екатеринбург, ученик 10 класса Уральского музыкального колледжа).

Третьей премией отмечены Никита Бурзаница (студент 1 курса Донецкой государственной музыкальной академии им. С.С. Прокофьева) и Наталия Афонина (студентка 3 курса Брянского областного колледжа музыкального и изобразительного искусства).

2 декабря 2018 г. Воскресенье

Итак, конкурс в честь великой пианистки – и Франции и России – уже стал достоянием истории. 27 сентября в Париже и 5 октября в Москве, в Большом театре, прошли концерты его лауреатов. По порядку он был седьмой. Говорят, семерка – это к счастью. И для победителей, и для всех участников. Но – к трудному счастью. Ибо и для тех и для других, как дальновидно заметил Григорий Соколов, с участия, с приобщения к имени и судьбе удивительной женщины, низвергнутой с Эвереста искусства в пропасть ГУЛАГа и сумевшей, выдержав при этом испытание на звание человека, вновь подняться из пропасти на вершину, **все еще только начинается.** Даже если ты уже победитель.

Вадим Рутковский

Фрейлина и генерал

Старшие дети А.С. Пушкина

Александр Александрович Пушкин

Мария Александровна Пушкина

Светлое пространство, наполненное звонкими детскими голосами и смехом, где все заботятся друг о друге и где самая большая радость состоит в том, чтобы сделать счастливыми тех, кто находится рядом с тобой. Наверное, именно в семье лучше всего исполняется одна из главнейших заповедей Спасителя – заповедь о любви к ближнему. Что может быть прекраснее большой, многодетной, веселой и шумной семьи!..

Александра Сергеевича Пушкина и его супругу Наталью Николаевну Гончарову Господь благословил четырьмя чадами – Марией, Александром, Григорием и Натальей. Надо думать, что детей у нашего гениального поэта было бы и больше, если бы не роковая дуэль 27 января 1837 года. С этой трагической даты начался отсчет времени жизни без Пушкина, но тень великого отца незримо присутствовала в судьбах его наследников.

Старшей среди пушкинских детей была дочь Мария. Она родилась 19 мая 1832 года. Сын Александр появился на свет в следующем году – 6 июля. В зрелые годы жизни между ними установились особенно теплые, душевные и доверительные отношения.

Весной 1851 года Саша Пушкин окончил Пажеский корпус с записью: «…в уважение примерной нравственности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесен под № 5 в особую книгу». Карьеру он начал корнетом в лейб-гвардии Конном полку и к 1869 году дослужился до чина полковника. Командиром Конного полка был отчим Александра, Петр Петрович Ланской, второй муж Натальи Николаевны. Но не родственные связи определили служебный рост Александра Александровича, а его военный талант, усердие и дисциплинированность.

Военную службу Александр Пушкин-младший считал своим призванием, но в груди его билось чуткое и восприимчивое сердце наследственного гуманитария. К моменту окончания Пажеского корпуса он прочитал практически все сочинения своего отца. О нем он очень любил говорить с Натальей Николаевной. Матери казалось, что ее Сашка (так называл сына сам отец) знает о родителе гораздо больше, чем его родные брат и сестры. И к матери он был привязан больше, чем другие дети. «Мы любили нашу мать, чтили память отца и уважали Ланского», – так говорил Александр Александрович. А ведь еще в Ветхом Завете было сказано: «Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан» (Сир 3:5).

В бытность корнетом летом на даче в Стрельне Александр познакомился с племянницей Ланского Соней, тихой, замкнутой и красивой девушкой. Они часто танцевали на балах и совершали прогулки по тенистым аллеям стрельненских парков. За шесть лет, прошедшие с момента их первой встречи, чувства молодых людей окрепли, и в 1858 году они поженились. Софья Александровна Ланская подарила Александру Александровичу одиннадцать детей – Наталью, Софью, Марию, Александру, Ольгу, Анну, Григория, Петра, Надежду, Веру, Сергея. Казалось, что счастье навсегда поселилось в их доме, но в 1875 году Софья Александровна скончалась от чахотки.

После смерти супруги Александр Александрович принял на себя все заботы и хлопоты о воспитании своего многочисленного потомства. Большую помощь и поддержку ему оказывала его родная сестра Мария Александровна. Ей суждено было прожить непростую жизнь, наполненную и светлыми мгновениями счастья, и трагическими событиями.

В декабре 1852 года Мария Александровна Пушкина окончила Екатерининский институт с шифром – знаком особого расположения императрицы и монаршей милости. После этого она сразу была принята ко двору в качестве фрейлины.

Многие матери благородных семейств старались пристроить своих дочерей при императорском дворе. Стать фрейлиной было крайне нелегко. Принимались во внимание знатность и заслуги родителей, а также внешность девушки. От соискательниц престижной вакансии требовалось безукоризненное знание придворного этикета.

Приятельницей Марии Александровны была фрейлина Ольга Николаевна, дочь знаменитой Александры Осиповны Смирновой-Россет – одной из ярких личностей пушкинского времени. Обладательница редкой красоты и незаурядного ума, Александра Осиповна была любимой фрейлиной императрицы Александры Федоровны и пользовалась расположением Николая I и его брата, великого князя Михаила. Блистая при дворе, Смирнова-Россет интересовалась литературой, музыкой, живописью. Она общалась со многими писателями и поэтами и особенно сблизилась с Жуковским, Вяземским, Пушкиным, а впоследствии и с Гоголем, о которых оставила интересные и подробные воспоминания.

Когда в 1877 году Александр Александрович отправился на войну за освобождение Балкан от турок, Мария Александровна привезла его детей в усадьбу Лопасня, где он часто останавливался и жил. Там тетушка заботилась о детях своего брата и занималась их воспитанием вместе с Анной Николаевной Васильчиковой – двоюродной сестрой его покойной жены Софьи Александровны Ланской.

Софья Александровна Пушкина (урожденная Ланская) погребена у северной стороны трапезной старинной церкви Зачатия святой праведной Анны. Этот храм был заложен в 1689 году на средства стольника Саввы Лукьяновича Васильчикова – одного из основателей усадьбы Лопасня-Зачатьевское, расположенной на юге Подмосковья (сейчас это территория города Чехова). Под сенью этого красивого храма с высокой, изящной колокольней и протекала жизнь потомков Александра Сергеевича Пушкина.

В феврале 1868 года в Туле в доме генерала Тулубьева Мария Александровна познакомилась с Львом Николаевичем Толстым. В то время он как раз работал над «Анной Карениной» и перенес черты характера и одежду Марии Александровны на Анну. Помните эти знакомые со школьной скамьи строки? «Анна была не в лиловом, как того

непременно хотела Кити, но в черном, низко срезанном бархатном платье… Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу». Правда, скромная Мария Александровна говорила всем, что граф списал только ее внешний облик и платье с ниткой жемчуга на шее.

Александр Александрович Пушкин и Мария Александровна Пушкина (по мужу Гартунг) прожили долгие жизни. После ранней смерти Софьи Александровны Пушкиной (в девичестве Ланской) Александр Александрович женился на Марии Александровне Павловой, одной из дочерей Н.И. Васильчикова, в браке с которой у него также были дети. Александр Александрович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, освобождал Болгарию. Был награжден многими орденами. Дослужился до чина генерала от кавалерии. Умер в 1914 году, оставив тринадцать детей. Александр Александрович Пушкин хотел, чтобы его похоронили рядом с могилами первой жены (Софьи Александровны) и детей Софьи и Сергея. Но из-за начавшейся в 1914 году Первой мировой войны его волю не удалось исполнить. В 1963 году прах старшего сына А.С. Пушкина был перенесен в некрополь церкви Зачатия святой праведной Анны в усадьбе Лопасня-Зачатьевское.

В 1877 году муж Марии Александровны генерал Леонид Гартунг был несправедливо обвинен в растрате казенных денег. Прямо в зале суда он застрелился. Хоронила его возмущенная несправедливостью судебного решения вся Москва. Время оправдало Гартунга.

Мария Александровна больше не выходила замуж, а с Гартунгом у них не было детей. Так на всю свою долгую жизнь Мария Александровна останется одинокой. Поэтому будет жить у своих братьев и сестер, то у одного, то у другого. Подолгу ей доводилось жить у брата Александра Александровича в усадьбе Лопасня-Зачатьевское. Там она помогала брату воспитывать его многочисленных детей после смерти Софьи Александровны. В одном из писем Александр Александрович писал брату Григорию: «Знаешь ли ты, что у меня… гостит сестра Маша. Для меня это такая благодать, что ты и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек это большое счастье, что она у меня».

Мария Александровна Пушкина (Гартунг) ушла из жизни 7 марта 1919 года и была похоронена на новой территории некрополя Донского монастыря в Москве.

Рабочий стол старшего сына поэта

Парк музея-усадьбы «Лопасня-Зачатьевское» (г. Чехов)

В одном из залов музея

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно

на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане

св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе

свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемилостивого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского в Крапивниках

ISSN 2225-0271
9 772225 027100